

Последний тигр

Белова Татьяна

Татьяна Белова

Последний тигр

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69452401

SelfPub; 2023

Аннотация

В мире Кленового Листа магию – истинную речь – людям даровал Создатель и её контролирует Церковь. Тех, кому выпал дар создателя церковь принимает к себе на службу. Закончив обучение, маг получает новое имя и грамоту. Так безродный Орис, наделённый даром видеть истину, превратился в грамарда и благородного даря Мориса Ёльдера. Волею своего деда, молодой маг оказывается в далёком от столицы городе Сешале, Обители Святого Ёльма, где происходят загадочные, кровавые убийства. Местный юродивый рассказывает, что видел в лесу страшного зверя, порождение Нечистого Хатта, проклятого бога зверолодей. Таинственное братство Эолифа даёт новоиспечённому дарю Ёльдеру первое задание – выследить и поймать зверя, но Орис не верит в чудовище, он уверен, за убийствами стоит не древнее суеверие, а человек.

Содержание

Пролог	4
Книга первая.	12
1	12
2	14
3	29
4	42
5	50
6	60
7	66
9	88
10	95

Татьяна Белова

Последний тигр

Пролог

Малькольма разбудило ржание лошадей. Животные бесновались в испуге, ржали и били копытами. Мальчик открыл глаза, вылез из-под одеяла и, стараясь не потревожить спящих родителей и младшего брата, высунулся из повозки. Вихрастая, рыжая макушка показалась и тут же пропала; сидящий на козлах дядюшка Ян с недосыпа был скор на расправу, а мальчишке совсем не хотелось попасть под тяжелую ладонь. Не в силах сдержать любопытство, Малькольм все же припал глазом к щели между тяжелыми полами занавесей и увидел, что дорогу обозу перегородили всадники. Закованные в доспехи, с огромными мечами, с черными повязками на лицах, они размахивали факелами и что-то кричали на чужом языке. Всадники казались Малькольму великанами из сказки, страшнее воинов мальчик никогда не видел.

Тщедушный Ярий, хозяин цирка, на фоне великанов выглядел мышкой. Писклявым, тонким голоском он пытался что-то втолковать гаварю, но тот лишь рычал и скалился, как самый настоящий волк. Дядя Ян, видя это, тяжело вздохнул, поднялся и спрыгнул на землю. Повозка жалобно скрип-

нула.

Красивые сапоги по самое голенище увязли во влажной земле. Предводитель всадников, почуяв силу, переключил своё внимание на Януша.

Мальчик затаил дыхание, сердце прыгало в груди от восторга, впервые за их долгое путешествие случилось что-то на самом деле интересное. И тут чья-то сильная рука зажала ему рот и утянула вглубь повозки.

Огромные зеленые глаза матери смотрели испуганно. Она приложила палец к губам и покачала головой, только после того, как Малькольм утвердительно кивнул, она отпустила его. Не произнося ни слова, уложила обратно под одеяло, погладила по волосам, поцеловала и легла сама.

Малькольм чуть не плакал от досады. Снаружи раздавались громкие голоса, на стенах повозки сплетались в причудливые фигуры отблески факелов, он представлял себе грозных воинов в доспехах и боролся со жгучим как крапива, любопытством.

Лязгнула конская сбруя, заскрипели доспехи, мальчик прислушался и понял, всадники удаляются. Дядя Ян смог-таки договориться с страшными великанами. Уже засыпая, мальчик подумал, что едут они воевать со страшным драконом, что живёт в своей пещере уже тысячу лет. С тем самым, который выгнал их из теплых домов и заставил покинуть родные земли.

Весь следующий день шел дождь, он размывал дорогу уже

неделю и на седьмой день добился своего, повозки, наглухо увязнув в земле, встали. Малькольм сидел на козлах, заматавшись маминым плащом и слушал отборную ругань, от которой, как говорили взрослые, «уши вянут». Четверо братьев – медведей Гри, прозванных так за черную, лоснящуюся шерсть, покрывающую их тела и лица, почти час вытаскивали повозки, но в итоге обоз так и не тронулся с места.

Выползли из леса сумерки, холодный, жадный до чужого добра ветер, рвал натянутую на кузова парусину, швырял в чужаков желто-красными листьями и выл. Не гостеприимная чужеземная осень показывала зубы, которые, впрочем, вскоре обломала об упертых циркачей. «Уродцы из Гтара» так звалась труппа Ярия, исколесила добрую половину обжитого мира, воды и грязи они не боялись и к следующему закату смогли добраться до поселения, где собирались устроить, первое в этом сезоне, представление.

В повозке их жило шестеро: отец, мама, Малькольм, младший Орис, дядя Ян и дед Серат. К цирку они присоединились не так давно, в представлениях не участвовали, но разношерстной публике труппы пришлось по душе. Отец отлично плотничал, умел орудовать молотом, да и грязной работы не чурался, каждый день чистил клетки животных, стелил им свежей соломы и носил воду. Звери пришлых не боялись и сразу признали. Чудо не чудо, но Гван-молот, кузнец, что ростом отродясь выше пня не был, на совете выступил, сидя на плечах брата циклопа, громче всех, голосуя принять

чужаков на равных. Малькольм не сомневался, дружба с циркачами – заслуга отца. Мальчик его обожал и мечтал вырасти таким же смелым и сильным, оттого очень обиделся на мать, когда та сказала, что циркачи не на таланты отца польстились, а скорее на деньги его старшего брата. Мать сказала это шёпотом деду, но Малькольм услышал и с тех пор в тайне дулся на неё.

Малькольму в цирке сразу понравилось, он даже выступать рвался. Марта-метательница зазывала его к себе в качестве помощника, но с её двухметровой высоты в его метр с шапкой, было как-то не солидно метать ножи. Хотя и высказывалась мысль, что страх и жалость кошели скряг развязывает. Точку в этом споре поставила мама, запретив Малькольму даже думать об этом.

По вечерам все собирались у костра, собирались и слушали дедовы сказки. Говорил Серат медленно, тихим, хрипловатым голосом, и верилось отчего-то слушающим, что видел дед все эти чудеса своими глазами.

Утро накануне представления выдалось пасмурным, но сухим. С первыми лучами солнца в лагере закипела жизнь. Конюхи чистили лошадей, стучали молоты, чадили костры на сырых дровах. Мужчины сколачивали сцену для выступления. Женщины шили и штопали цветастые костюмы. Никто не сидел без дела, ни дети, ни взрослые.

Рабочая суeta затянула в водоворот и Малькольм, наравне со всеми он таскал воду, раздувал меха, чистил лошадей,

кормил животных; мечтать стало некогда.

Как разгорелся день, так и угас. Пришло время наведаться в город, зазывать на завтрашнее представление народ. На других посмотреть и себя показать. Малькольма нарядили в лучшую рубаху, папа заплел свою медь в косу, мама распустила волосы и надела красивое платье. Только Орис плакал, так как его оставляли на попечение деда.

Рыночная площадь встретила празднеством. Горожане приветствовали осень, плели венки из багряных кленов, раздавали сладости, жгли костры и пели песни. Циркачи легко вписались в веселье и нашли общий язык с местными.

Малькольм остался доволен, поздно вечером, лежа в постели и считая звезды, мальчик думал, что они похожи на костры. Он представлял себе, как где-то там, в далеком мире, празднуют сейчас и боги.

Все следующее утро Малькольм не мог усидеть на месте, его разрывало от предвкушения, чтобы отвлечься, он попросился пойти с мамой в город. Она собиралась на рынок. Город, как и вчера, пестрил запахами: конский пот вперемешку с цветочными ароматами благовоний, дым кочегарок и кузней, а так же нестерпимая вонь нечистот и навоза.

Мальчик морщил нос, но улыбался.

В городе ему нравилось все: мощёные дороги, неиссякаемый поток людей, странные одежды горожан и особенно стражники. Они были одеты в длинные, синие туники, черные сапоги до колен и чёрные плащи, с начищенными до

блеска металлическими застёжками на плече в виде пятиконечной звезды.

Малькольм отвлёкся от чёрных плащей и увидел всадников.

Пересекая рыночную площадь, мимо них ехала процессия, гости были все в белом с ног до головы.

– Малькольм, не отходи от меня, – испуганно сказала мама, дернула его за руку и прижала к себе.

Горожане в страхе разбежались, боясь попасть под яростный хлыст, стражники же к разочарованию Малькольма отворачивались, никто не осмелился и слова сказать.

Белые капюшоны заняли всю площадь, спешили и встали кольцом. В центре уложили крест на крест две деревянные балки и сколотили, потом выволокли мешок. Малькольм подумал, что там зверь, дергается, рычит, скулит, но оказалось человек. Его вытряхнули из мешка и привязали к кресту, а потом вылили сверху бочонок масла.

Мама тихо ахнула и потянула его прочь от страшного зрелища. Обратном в лагерь они почти бежали. Малькольм не понимал отчего они бегут и постоянно оглядывался, ожидая увидеть погоню, но на дороге кроме них никого не было.

А потом случилась и вовсе удивительная вещь, переговорив с мамой, отец вдруг объявил, что они уезжают, сейчас же, немедленно. Дядя Ян хмурил лохматые брови, широкие плечи его опустились, на лбу выступила испарина, но и он не думал спорить с братом.

Дед Серат, с удивительной для полуслепého старика сноровкой, собирал вещи. Циркачи не спрашивали ни о чем, не уговаривали остаться, накануне представления им было чем заняться и вся труппа быстро вернулась к своим делам. Малькольму стало обидно до слез, что никто с ними даже не попрощался, он закусил губу и залез с головой под одеяло.

Осенний полдень холодно и безразлично смотрел вслед крытой повозке. Солнце изредка выглядывало из-за туч и пряталось обратно. Небо, запятнанное черной сажей вороньих крыльев, пухло хмурыми облаками, вот-вот тоже собираясь расплакаться.

Его разбудил крик матери.

– Беги, Малькольм, беги!

Мальчик вскочил как раз вовремя, широкое лезвие разрубилo каркас повозки почти до самых колес. Не помня себя от страха, Малькольм скатился вниз, вскочил и оглянулся, брата и деда в повозке не было.

Дядя Ян лежал на земле с перерезанным горлом. Рядом лежал отец. В косых струях дождя, в отблесках факелов, лицо его выглядело страшно. Рука сжимала секиру, но телу без головы она была не нужна.

– Беги! – привел его в чувство отчаянный крик матери. Малькольм увидел, как сильная рука в латной перчатке схватила её за косы и дернула назад, острое лезвие с одного удара пробилo грудную клетку.

Вспыхнула повозка, огонь шипел разъяренной кошкой,

выгибая спину под струями дождя. В двух десятках шагов качающейся стеной виднелся лес, единственное спасение, но Малькольм не добежал. Высокая фигура, закутанная в белый плащ, встала на пути. Человек скинул капюшон и воздел руки над головой.

– Ас-та ра-ба та-ли-мас ва-аарг...

Слова дрожали, срываясь с обескровленных губ. Из широких ноздрей незнакомца вытекала черная струйка крови. Малькольм закричал и кинулся на врага. Он подпрыгнул, как учил его отец, врезался коленями в грудь белого, вцепился ногтями в перекошенное лицо, оттолкнулся и кубарем полетел в овраг. Не почувствовав боли, тут же вскочил и помчался в чащу. Лес будто расступился ему навстречу. Рыжей молнией, в страхе прижимая уши, сквозь заросли мчался полосатый котенок, он искал укрытие. Деревья склоняли к нему головы, раскрывали объятия бугристые корни, даже своенравная малина спрятала коготки.

Последний Тигр должен выжить.

Книга первая.

Обитель Святого Ёльма

1

– Порождение нечистого в лесу завелось, – выпалил с порога Веридий. Жалкий, изъеденный страхом, как шуба молью, он замялся на пороге. Войти не решался, а выбежать прочь остатки гордости не позволяли. В трапезной воцарилась неуютная, непривычная тишина, двенадцать собравшихся оглянулись на него и терпеливо ждали, что дальше скажет.

– Да не сойти мне с этого места, если я вру! – собравшись с духом, продолжил лесничий. Утер шапкой вспотевший лоб, оторвал свинцовые ноги от пола и протопал на середину залы. – Зверюга, господари, зверюга размером с телёнка! И зубы колыями и когти как грабли, и глаза красным горят. Раздери меня Хатт, если своими глазами не видел, как перемахнуло чудовище через Монастырку одним махом и скрылось в чаще.

Тишина взорвалась сначала смешками, а потом и вовсе неуёмным хохотом. Весь свет городского Собрания, раскрасневшиеся благородные мужи, от попа до советника Торговой

палаты, просто посмеялись над трясущимся Веридием.

– Да ты принял чего на грудь, мил человек, оттого тебе с раннего утра лешие с когтями мерещатся, – заявил, ухмыляясь в усы, дарь Марций. Судья. – Ты господарям, трапезу то зачем портишь?

– Не пил я, Создателем клянусь! Вышел к колодцу, воды в дом принести, а он сидит, глаза красные тарасит, я за вилы, а он через забор, а потом к реке. Монастырка, это тебе не ручеёк какой, а он одним махом на другом берегу оказался.

– Да хватит сочинять Веридий, в темноте, небось, привиделось, – недоверчиво фыркнул кузнец. Здоровенный, как медведь, он шурил красные от избытка пива глаза и взгляд его не сулил лесничему ничего хорошего. Веридий попятился, трясся кудлатой головой, сжал до белого губы, но продолжал гнуть своё.

– Пожалеете, господари, ох, пожалеете! Чудище есть, вот увидите!

Кто-то особо недовольный швырнул в стену грязную тарелку. Трапезная наполнилась шумом и криками, пьяные господари ни в чем себе не отказывали. Веридий, больше не заботясь о гордости, выбежал прочь. Вслед ему неслась брань и смех. Только лицо градоначальника, Арниса Хёльма, потемнело, и это налились кровью старые шрамы.

Дорога разбегалась, но как-то неохотно, словно раздумывала свернуть, не свернуть. Так и вышло, что поначалу еле заметная тропка, далее набралась уверенности, широко растеклась и встретила удивлённых путников необъятной полосой, по которой и три телеги легко разъедутся.

Указатель на дороге гласил:

«Сешаль – Обитель Святого Ёльма»

– И не сразу найдёшь, как запрятались, – пробормотал себе под нос Орис и обернулся к деду. – Не передумал еще? Вон тракт, совсем близко, свернём и махнём куда-нибудь в мирские дебри, под сень греха и разврата?

– Топай лошадка, топай, не слушай искушающих речей безбородого мальчишки.

– Вот сдались же тебе эти Святые, дед, – серьёзно начал Орис, и тронул коня. – Хоть бы сказал, чего ищешь.

Рыжий мерин, пятилетка, прозванный Ослом, вдруг своевольно затряс гривой и попятился. Не успели путники и двух шагов по святой земле сделать, как навстречу из леса выехали трое облаченных в латы гернов. Герб на груди местный, жёлудь, да лист дубовый, а гарды мечей тряпицами красными обмотаны.

Орис выехал вперед, неуважительно повернулся к стражам порядка боком, загоразивая деда, и откинув подол пла-

ща, обнажил Святую печать на луке седла.

– Ясного вам утра, господари, – миролюбиво обратился Орис к гернам, рука, как влитая, легла на рукоять топора. – Неспокойное нынче время?

– И вам ясного, грамард, – ответил тот, что постарше, и выехал Орису навстречу. – Могу ли попросить милейшего дая, предъявить грамоту?

Орис без вопросов полез в футляр на поясе и извлёк свиток, заверенный печатью Святой церкви. Герн, так и не удосужившись назваться, развернул, внимательно прочел и вернул владельцу.

– Благодарю, дарь Ёльдер, можете проезжать.

– Могу ли я поинтересоваться, чем вызван переполох?

Лицо герна, скрытое под маской благожелательной скуки, дрогнуло. Проступили очертания тревоги, но быстро пропали. Прощаясь, страж приложил ладонь к сердцу и герны поскакали дальше.

– Опять война? – спросил дед.

Орис пожал плечами и долго смотрел вслед всадникам. Красные метки значили многое, в том числе и войну. Что-то нехорошее зашевелилось внутри, потревожило тонкие нити предчувствия, зазвенели над ухом колокольчики. Орис опасно оглядел стройный лес вечнозелёных верес и серых ясеней, прислушался и ничего не услышал.

– Нет, дед, не война, – произнес он задумчиво. – Зато, думаю и мне здесь работёнка найдётся, пока ты на свои святые

мощи любуешься.

– Прикусил бы ты свой ядовитый язык, юноша. Гробница Святого Ёлма место паломничества для благочестивого люда со всех концов земель Ахорнских. А свои мощи, я пока с трудом, но таскаю, а любуешься ими ты!

Город разместился на пригорке, меж Верёзовыми горами и самой северной оконечностью Изумрудных лесов. Изначально это была тихая обитель на окраине обжитых земель, подальше от всевидящего ока столицы. Сначала выстроили церковь деревянную, потом белокаменный монастырь, перекинули мост через реку. Так, шаг за шагом поселение разрослось и понадобились крепостные стены.

Епископ Сешальский привёз в дьярский монастырь, известный в столице, как Вerezовка, мощи Святого Ёлма, укрывая их от войны, что тогда бушевала на юге Ахорна, с тех пор город и зовётся Сешалем, а монастырь именуют – обитель Святого Ёлма.

Как не старался Орис, но вспомнить хоть что-нибудь про самого Святого, так и не смог.

Издали городские стены растекались алой лентой по холмам, реяли флаги, да возвышался надо городом купол главного, кафедрального собора. Чем ближе они подъезжали, тем сильнее одолевало Ориса разочарование. Красочным историям, которыми развлекал его дед в детстве, реальный Сешаль сильно уступал.

Красная, кирпичная стена местами порушилась, проржавели ворота, которые с последней войны и вовсе не закрывались, а подъёмный мост вряд ли теперь уже поднимут снова. Заросший мхом, тиной и болотным плющом, он частично просел и касался воды, отчего та приобрела бурый оттенок. На въезде их ждала неожиданная очередь из паломников, купцов, деревенских жителей и даже босоногих нищих, всех досматривали.

Городские ворота проезжали долго, когда подошла их очередь, Орис уже весь взмок от палящего солнца и нетерпения, и мечтал только об одном —холодной ванне.

– Грамард? – переспросил писарь, раскрывая въездную книгу. Молодой парень в белой хламиде адепта, с монастырским гербом на рукаве. – Ты ученый или как все, самоучка?

Будь писарь девицей, сомлел бы в раз от сладкой, как кленовый сироп, улыбки и сражён наповал взглядом теплых, как каштаны на солнцепёке, карих глаз. Грамард умел притворяться.

– Не ученый я, зато наученный. Вы по делу интересуетесь или праздное любопытство замучило? – смеясь, спросил Орис, но грамоту все же достал. Писарь глянул и поджал губы.

– Языкастый какой, – пробормотал священнослужитель на эсалле. Вручил Орису въездную виру и тут же отвернулся.

– Спасибо, – сказал грамард на языке суров. – Нужен буду, обращайтесь.

Писарь головы не повернул, но покраснел до корней волос.

Орис взял лошадей под уздцы, и они с дедом двинулись по главной улице в сторону Площади Храмовников, откуда доносился звон поющего обедню, колокола.

Сур, царапающий пером у главных ворот вместо писаря, это неспроста. Гостей ждут? Уж не из Столицы ли кого ветром занести должно? Или беглецов ищут? Мысль засела занозой, так и сяк крутил ее Орис в голове, подбирал догадки, но так ни на чем и не остановился.

– Не проходите мимо! Лучший сешальский лен и хлопок, тэвейский шёлк и бархат.

– Подковать лошадь? Починить кольчугу? Кузнечных дел мастер приветствует вас...

– Лесопильня! Срубы, доски, дрова!

– Дом терпимости съярии Рошель!

Зазывалы и мальчишки-глашатая перекрикивали друг друга. Торговая улица была переполнена, мощеная дорога, кое-где залатанная серым, жидким камнем, вводила все глубже в дебри суетливого города. Улочки становились все уже, торговцы настойчивее, а Орис раздражительнее. Им стоило свернуть на менее людный проулок и поискать гостиницу, но грамарда не покидало навязчивое желание побывать на площади Храмовников. Поймав очередного горластого зазывалу за ворот куртки, Орис спросил:

– Где в вашем городе, благородным господам, можно

остановиться на ночлег?

Мальчишка смерил благородных наглым оценивающим взглядом и задумался.

Да, стоило признать, дед с внуком совсем не выглядели платежеспособными. Седой, сгорбленный старик, в поношенном одеянии, перевязанном верёвкой, напоминал дьяра – отшельника. Орис же, хоть и носил теперь титул благородного даря, с виду походил скорее на обнищавшего наёмника: истертые в дальних дорогах кожаные штаны в заплатках, белая рубаха, да куртка из синего сукна. Богаче во всех отношениях смотрелись лошади, на которых Орис денег никогда не жалел.

– «Виноградная лоза» – неплохой постоялый двор, – с сомнением в голосе сказал мальчик. Орис покачал головой и сверкнул перед носом зазывалы серебряным кленом. Монета ловко пробежала по костяшкам пальцев и исчезла в кармане.

– Проводить сможешь?

– Конечно! – глаза мальчишки загорелись. – Все что пожелают милостивые дари! Проводим, устроим, словечко замолвим!

– Значит, договорились? – улыбнулся Орис и всучил поводья. – Лошадей в конюшню. Накормить, напоить, почистить. Приду, рассчитаюсь.

Взгляд прохиндея потух, на скулах заходили желваки. Мальчишка готов был уже дать дёру, как вмешался дед:

– Нечего деньгами разбрасываться, – сказал Серат, при-

щурился и, хитро глядя на зазывалу, достал из кармана медный клён. На раскрытой ладони дед протянул его мальчишке, но как только тот потянулся за ним, дед сжал кулак, а когда разжал, монеты не оказалось.

– Поищи-ка в подоле, вдруг найдёшь, – засмеялся Серат.

Орис скорчил деду кислую мину и, заложив руки за спину, покачался с носка на пятку, изображая нетерпение.

– Так в какой же гостинице мне вас искать говоришь? – обратился он к сияющему мальчишке, который не мог отвести восхищенного взгляда от деда. В руках мальчик держал монету, неожиданно найденную в собственном кармане.

– «Маковый цвет» господарь, лучшая гостиница во всем Сешале, – с энтузиазмом выпалил малец. – Вы легко её найдёте, почти из любого квартала к ней ведёт путеводная нить из красного камня, там на крышах, по бортам, клумбы с цветами красными насажены, и сами крыши – красные!

– Вот и замечательно, ждите меня там, – сказал Орис. – Я в Ратушу наведуясь.

С недавнего времени мир для Ориса стал краше. Из безродного босяка, не имеющего за душой ни клена, ни имени отца, ни даже просто названия родных земель, он по счастливому случаю, превратился в благородного даря. И пусть суры и университетские маги сколь угодно препираются и спорят между собой, не признавая грамардов себе ровнями, но даже они не в силах отнять благословение Создателя.

Сила дарованная Создателем, стихийна и непредсказуе-

ма, ей не научишься, её можно лишь получить в дар. И частичка этой силы досталась ему – Орису. Нет, он не возгордился, но на мир стал смотреть иначе. Теперь мир для него стал шире, перед ним раскинулись десятки новых дорог, по которым можно было пройти, и только одно обстоятельство сильно смущало —тяжёлая длань матушки церкви. Чтобы получить разрешение практиковать, претенденты должны были поступить на обучение, а после него принести клятву верности Создателю и Церкви. Грамарды не то чтобы вливались, они скорее нанимались, в ряды священного войска. В его контракте был пункт, что он обязан откликнуться на зов Святого Престола в случае любой священной войны. Взамен церковь давала грамарду новое имя и приложенный к нему благородный статус, который не вправе был отнять даже король. Так Орис превратился в господаря Морисса Ёльдера, пусть все такого же безземельного, но теперь – мага. Правда, обстоятельство это не изменило его старых привычек. Орис шел по улицам Сешаля, опустив голову и избегая смотреть благородным в глаза, взгляд всегда выдавал в нём простолюдина.

Огромный, белый Собор Святого Ёльма возвышался над серо-красным полотном площади Храмовников, на которой в этот час собралось несчетное количество народа. Четыре колокольни, две справа и две слева, изрезанный витражами Изумрудный купол и знаменитые статуи четырёх святых у подножия, склоняющие в смирении головы и прикрываю-

щие лица ладонями. Вместо семи ударов, колокол отбил четырнадцать, призывая людей на поминальную службу.

Орис прошептал молитву за упокой и, расталкивая толпу, стал пробиваться к зданию Ратуши. Двери были заперты и висела траурная лента, флаг Сешалья был приспущен, что могло означать лишь смерть главы города.

Грамард задумчиво почесал заросший подбородок и развернулся к толпе. Сил пробиваться обратно уже не было, туника насквозь промокла от пота, штаны прилипали во всех местах, сапоги натерли мозоли, ноги надсадно гудели. И чего его так тянуло на эту площадь?

Орис устало опустился на ступеньки ратуши и подпер голову руками. Те самые Храмовники – хромые овны создателя – нищие, попрошайки, юродивые, обступили его со всех сторон. Их стоны и мольбы заглушали гул толпы и проповедь священника, только хоровые песнопения и звуки органа прорывались к раскаленным от солнца небесам.

Не в добрый час привела их дорога в этот город.

Орис закрыл глаза и стал слушать.

Звуки стучали в висках, разрывали барабанные перепонки, обтекали со всех сторон.

– Говорю тебе, эта та тварь на него напала. Не зря в закрытом гробу хоронят.

– Опять ты за своё Веридий.

– Шрамы на лице Хельма видел? Так вот я думаю, меченый он, Хатту душу продал!

– Вот завтра и увидим, – хохотнул собеседник. – Глядишь, поймают охотники это порождение мрака, тебя на опознание позовут!

– Зря смеёшься, Фикс, чует моё сердце, прокляли нас...

Орис вздрогнул и открыл глаза. Рука сама потянулась ко лбу. Он сотворил перед собой символ отворота от зла – пятиконечную звезду, прочел молитву и только тогда успокоился. Он не был суеверен, но осторожность не повредит.

Звуки снова слились в общий гул. Служба подходила к концу, двери распахнулись и люди стали медленно расплзаться. Станный внутренний голос, гнавший на площадь, смолк. Неудовлетворенность прошла, оставив после себя множество вопросов. Орис поднялся со ступенек и отправился в обратный путь. Орису еще предстояло отыскать гостиницу. Вспомнив напутствие зазывалы, он посмотрел под ноги, но красных булыжников не наблюдалось. Тогда Орис просто пошел обратно той же улицей, которая привела его сюда.

Суэта площади осталась позади, Ориса обступили невысокие, серые дома, украшали их, увитые плющом и диким виноградом, балкончики с ржавыми прутьями. С криками мимо проносились стайки детей, из распахнутых настежь окон лилась брань, а следом сыпался мусор. Провисшие под тяжестью белья верёвки, постанывали на ветру. Орис все выискивал обещанную путеводную нить, но ничего красного вокруг и в помине не было.

Попадавшие на пути люди настолько не вызвали доверия, что спрашивать у них дорогу он не рискнул и уже собрался даже вернуться на площадь, как послышался цокот копыт и поскрипывание рессор. Новенькая, лакированная карета обогнала его и остановилась. Распахнулась дверца и вежливый баритон произнес:

– Не подвезти ли, благородного даря?

– Я могу быть вам полезен? – с сомнением спросил Орис и отметил про себя, что в голосе прорезались подобострастные нотки.

– Дарь Ёльдер, – насмешливо произнёс незнакомец, делая ударение на слове «дарь», – Я всего лишь предлагаю составить мне компанию.

«Благородный дарь» внутри Ориса встрепенулся и гордо расправил плечи. Чёрное безликое нутро кареты, обитое бархатом и шёлком, указывало не только на высокий статус, но и на попытку остаться неузнанным. Ни герба, ни намёка на Имя.

Орис с подозрением оглядел на удивление пустынную в этот час улицу. Руки, будто живущие собственной жизнью, нервно теребили полы куртки.

– Да садитесь вы уже! – вдруг потерял терпение господарь. Стянул с руки перчатку, демонстрируя Орису перстень на указательном пальце. Перстень был серебряный, с гравировкой.

Орис облегченно выдохнул и залез на сиденье. Дверца тут

же захлопнулась, хозяин привычным движением задвинул шторы и карета тронулась.

В полумраке лица священнослужителя было не разглядеть, но теперь Орис не беспокоился. Руки немного дрожали, но теперь уже от возбуждения. Он так долго ждал этой встречи и вот, как гром среди ясного неба.

Плотно укутанная в черное фигура священника сливалась с обивкой, белела только узкая, морщинистая рука, выдававшая возраст и перстень, от которого невозможно было оторвать взгляд. Круг вписанный в квадрат – Символ Братства. Орис выискивал его на протяжении шести месяцев везде, где им приходилось бывать, с тех самых пор как получил приглашение вступить в ряды братьев Эолифа.

– Моё имя вам ничего не скажет, потому я опущу эту деталь вежливой беседы и перейду прямо к делу, – сур достал из внутреннего кармана плаща свиток и протянул Орису. – Это ваше приглашение на завтрашний сбор, который состоится на рассвете на Площади Храмовников. Там соберутся охотники и наемники, что не чураются никакой грязной работы, за клёны они и Хатту душу продадут. Будет и прочий люд, готовый, если кружку нальют, ловить хоть призраков, хоть демонов. Все они призваны новым градоначальником для охоты на зверя, якобы поселившегося в местных лесах. Ваша же миссия будет не убить, а выследить это существо. Мы должны разобраться в его природе. Вам понятно?

Орис кивнул. Он, наконец, дождался своего испытания.

Все странности сегодняшнего дня встали на место и предчувствие, и внутренний голос, и непреодолимое желание побывать на площади, и даже странный разговор, который он услышал, в свете предстоящего задания все это обрело смысл.

– Полагаю за всей этой мистификацией кто-то стоит. Моей целью является развенчать миф о звере?

– Пока нет. Для начала отыщите его. И отнесите к заданию со всей серьезностью, если это мистификация, то наш враг умен, он умело воздействует на умы людей. Также не стоит сбрасывать со счетов версию о настоящем звере.

– Вы допускаете возможность нового нападения зерейцев?

– Допускать или не допускать, в данном случае ваша задача, грамард, в том и заключается суть испытания. Вы меня поняли?

Орис кивнул.

– Как мне передать информацию?

– Мы сами с вами свяжемся.

Карета остановилась и дверь распахнулась. В свете уличного фонаря, отчётливо просматривалась путеводная нить из красного камня. Орис не прощаясь, покинул уютную темноту кареты, чтоб оказаться в неудобной холодной темноте улицы. В нос ударил запах гари и масла. Еще какое-то время Орис, сжимая в руках драгоценный свиток, прислушивался к удаляющемуся конскому топоту, а потом остался один на

один с тишиной. Красная нить уводила вверх, извиваясь, и исчезала во мраке за высокими коваными воротами. Вымершие улицы неприятно свидетельствовали в пользу слов сура о воздействии на умы, люди боялись выходить из дома после заката. Суеверия все еще будоражили души и воображение людей, несмотря на все возрастающую власть Церкви.

Холод достал его уже у самых ворот, пробрался за шиворот, граблями прошёлся по спине, порыв ветра ударил в лицо. Он потянулся к металлической ограде и ту же отдернул руку, ворота, покосившиеся от времени, все еще несли на себе остатки какого-то защитного заклинания или оберега, подкрепленного рисунком ветвей омелы, бегущего по прутьям. Попасть внутрь все же удалось, но ценой обожженных пальцев.

По каменной, узкой тропке, еле различимой в потемках, Орис почти бежал. Он уже видел впереди здание гостиницы. Оставалось лишь надеяться, что никто не встретится по дороге и не придется объяснять, почему он как вор пробирается черным ходом.

Гостиница выглядела достойно, во всяком случае, снаружи радовала глаз даже в темноте. Четыре башни с красным крышами, круглый внутренний двор, мощный булыжником, вдоль дорожек росли ухоженные кусты роз и стояли клумбы с цветами. На территории также были конюшни, почтовая станция, таверна, а по периметру кованая ограда и белый камень стен. Учувя аппетитные ароматы с кухни,

Орис сглотнул слюну, он с утра ничего не ел и первым делом направился в таверну, где ко всему прочему, рассчитывал отыскать деда.

Как он и ожидал, Серат уютно устроился у пылающего камина в окружении зевак, с кружкой горячего гвоздичного вина и травил байки. Чего не отнять, того не отнять, болтать дед умел. Все вокруг как по волшебству, впадали в детство, раскрывали рты, проникались атмосферой загадочности, чему немало способствовал тихий, с хрипотцой, голос. Орис порой ловил себя на мысли, что побаивается силы внушения, которой обладал дед.

Прерывать рассказ Орис не стал и направился к самому дальнему столу, под лестницей, которая вела в одну из башен гостиницы. Сел, никого не стесняясь, стянул сросшиеся с пальцами сапоги и вытянул ноги. Благо пряные запахи с кухни позволяли. Ему было о чем подумать перед завтрашним событием, но усталость гнала все здравые мысли прочь. Жалобно урчало в животе и слипались глаза. Прошлая бессонная ночь в седле давала о себе знать. Последнее о чем он все-таки успел подумать, это о ванне, которая так и осталась в его мечтах. А через минуту Орис уже посапывал, уронив голову на стол. Спал он без сновидений.

3

Орис называл свой дар просто – чутьё. Некое подобие интуиции. С самого детства оно выручало его, вело по пути, ведомому одному лишь Создателю. Он *видел* и *слышал* иначе, порой сам не понимал, что и зачем делает, но в итоге части головоломки всегда сходились идеально. Он привык доверять и всегда прислушиваться к внутреннему голосу. Решив пройти испытание Предназначением, Орис не сомневаясь ни минуты, собрал вещи и под покровом ночи ушёл из дома в шестнадцать лет. Скрипя сердцем, он обманул деда и забрал большую часть их сбережений, не оставив даже записки. От самого себя было тошно, но Орис знал, дед не отпустит. Под замок посадит, но не позволит ему отдать свой дар на откуп Церкви.

В столицу Орис приехал впервые и изо всех сил старался не пялиться на её чудеса, раскрыв рот. Огромный город поглотил все помыслы и мечты, покорив в раз все бастионы его души. Все о чем он мог думать, это как остаться в этом городе навсегда. Именно с этой мыслью он и шел сдавать вступительный экзамен. Он прекрасно понимал, если с первого раза не удастся, то с мечтой можно распрощаться. Надо не просто войти в эту дверь, его задача выломать её, снести с петель, заставить этих седобородых и серых, как пергаменты, кабинетных крыс, запомнить его.

Церемония Предназначения проходила в маленьком зале при университете Богословия. Орис предъявил при входе рекомендации от отца Брана, приходского священника в их деревушке, и поднялся на второй этаж. Витые перила, мраморные лестницы, сверкали позолотой люстры, все вокруг кричало о роскоши. Перед огромной, но простой деревянной дверью, уже собралась толпа претендентов. Комендант внес новоприбывшего в список, где Орис оказался 141 по счету. От голода слегка пошатывало, но денег, что остались, не хватило бы и на кусок хлеба. Последней надеждой оставалась стипендия, которую выдавали всем счастливым, прошедшим испытание с первого раза. Не в силах больше стоять, Орис уселся прямо на пол и решил немного поспать. Разбудил его комендант, когда подошла очередь.

Усталость вытеснила собой все. Он перестал нервничать, дрожать и истекать холодным потом, он просто должен был войти и сделать то, что от него требовалось.

Маленькое помещение с трудом вместило в себя три скамьи и два стола, между которыми на полу растекалась мозаичная пентаграмма. Сидящие за столом маги и священники ни седыми, ни серыми не были. Трое в синих мантиях, похожие как близнецы, представляли университет, еще трое в белых хламидах адептов, Церковь был еще седьмой, таинственный «некто» в черном плаще с капюшоном, опиравшийся на трость. Он стоял в стороне.

– Ваше имя? – спросил один из магов и обмакнул перо в

чернильницу.

– Орис, – каждая буква собственного имени давалась с трудом, во рту пересохло. В это мгновение он возненавидел всех этих благочестивых и благородных, сидящих перед ним и, почти пожалел, что приехал. Вот сейчас они спросят его об отце и всё...

Маг ничего уточнять не стал, записал и отложил перо.

–Пожалуйста, встаньте в центр пентаграммы.

Удавка, стянувшая горло, немного ослабла, Орис поборол желание броситься прочь и пошёл вперёд. Углы звезд засветились, вспыхнул рисунок под ногами и погас. Маг кивнул сам себе и что-то записал. Потом подал Орису три пергамента и жестом указал на скамью:

– На это задание у вас пять минут.

Остальные оставались молчаливы и безлики. Орис растерянно посмотрел на равнодушные лица и принялся изучать содержание свитков. Но это оказалось даже проще, чем прочитать, стоило лишь раскрыть каждый из них, как он уже знал, в каком из них написана правда, а где ответчик лгал. На все потребовалось меньше минуты, а вот объяснить в чем именно заключалась ложь, он бы не смог, оставалось надеяться, что не спросят.

Не спросили.

Маг снова записал что-то и подал Орису молитвенник, в черном кожаном переплёте.

– Страница пятнадцать, стих пятый. Читайте.

Орис бережно раскрыл книгу, нашел страницу и, облизав пересохшие губы, прочитал первую строчку про себя. Никогда раньше ему не приходилось читать вслух никому, кроме деда, особенно на эсалле.

– *Телле ано эрбе соу ка...*

Читалось легко, поначалу, но после третьего абзаца Орис вдруг стал запинаться. Буквы, знакомые с детства, плыли и меняли очертания, откуда-то он знал, что написано неверно, точнее неправильно стоит ударение, отчего меняется весь смысл фразы. И тогда на свой страх и риск он принялся читать так, как *видел*.

– *Эналле веди орос та...*

– Достаточно! – громогласно нарушил тишину господарь в черном. Вот только Орис уже не мог остановиться. Слова рвались с языка, он читал все громче, пока книга не задымилась. Священники и маги вскочили с мест, но ему было уже все равно, молитвенник выпал из рук и захлопнулся, Орис сполз на пол и закрыл глаза. Строчки все еще стояли перед внутренним взором, прожигая каленым железом темноту забвения.

– Доброе утро, – язвительно проскрипел дед, безжалостно плеснув в лицо холодной воды из кружки. Орис вскочил, но вовсе не от холодной воды, а от мысли, что проспал и опоздал на сбор.

– Сколько времени? – заорал Орис, оглядываясь вокруг в

поисках одежды. Он в упор не помнил, как поднялся в комнату, как раздевался и ложился в кровать, но такое с ним случилось, его дар сильно бил по памяти.

Серат помахал в воздухе свитком.

– Ты из-за этого так волнуешься? Так не волнуйся, уже опоздал.

В голосе деда слышались ядовитые, язвительные нотки. Орис почти привык к ним. Почти... Он выругался и вскочил.

– Почему ты мешаешь мне работать? Разве нам не нужны деньги? – спросил Орис, повернувшись спиной. Лгать деду в глаза он не решался с тех пор, как ему исполнилось семь и он отведал на завтрак плетей. Затылок обожгло. Увернуться он не успел.

– За что? – хлопая ресницами, воскликнул Орис.

– Дураком меня считаешь? – Серат снова замахнулся, но не ударил. – Да тебя срубило вчера так, что ты, небось и не помнишь, как конюхи тебя в комнату тащили. Всё ночь в лихорадке трясло, потом изливалась дрянь из тебя, бормотал на эсалле ерунду всякую. Что тебе там привиделось, а ну говори, а то дубину возьму и выбью.

То, что выбьет, Орис поверил сразу, опустил на кровать, потер лицо руками, думая с чего начать.

– Я в ратушу вчера пошел, помнишь? А там поминальная служба, градоначальника зверь задрал. Вот новая власть и собрала охотников и наёмников чудовище ловить. Я, конечно, ни в какое чудовище не верю, но приглашение взял, есть

у меня зацепка. Некто по имени Веридий, видел это порождение мрака собственными глазами и болтает теперь всем про проклятье. На него то моё чутьё и сработало, и знаешь, правду говорит мужик-то. Видел он зверя. И раз я из-за тебя на сбор опоздал, поеду к нему, поболтаю.

Серат выслушал спокойно и ничего не сказав, вернул Орису свиток. Вся его злость испарилась, опустились гордые плечи. Дед, словно не зная, куда себя деть в тесной комнатке, вдруг подошёл к окну и распахнул створки, ища спасения в утренней прохладе.

– Будь осторожен, мало ли какие звери еще водятся в этих старых лесах.

Над кем другим Орис лишь посмеялся бы, но дед был стар и помнил смутное время, когда людям в каждом хищнике мерещился нечистый Хатт. Тогда охотникам было раздолье и зверьё в лесах вблизи городов полностью извели. Про медведей, волков, диких кошек, теперь только в книгах и можно было прочесть, да на картинках увидеть. Пушнину, меха и кожу, доставляли в Ахорнские земли по морю из дружественной Верии, или черными путями из Зерея. В нечистых зерейских лесах зверьё водилось в изобилии, вольгеры, верящие в «звероподобного» Хатта, охраняли его созданий пуще собственной жизни.

– Дед ты не волнуйся, я к вечеру вернусь, обещаю.

Орис натянул куртку, проверил перевязь с оружием, все ножи на месте, кресало и масло тоже, стоило прихватить то-

пор, если зверь окажется все же настоящим.

Дед продолжал стоять к нему спиной и молчать. И не обернулся даже когда Орис вышел, аккуратно закрыв за собой дверь.

Голова гудела как после хорошей, доброй пьянки, раздражала щетина на подбородке и желудок сводило от голода. Орис сглотнул слюну. Ноги сами собой повели его в трапезную. Стоило позавтракать, набраться сил и подумать, а после навестить Веридия.

Верить или не верить в зверя, вот какой вопрос занимал Ориса в первую очередь. Как человеку верующему, хотелось прочесть молитву, как здравомыслящему – сплунуть. Даже дети уже не верят во все эти сказки об одержимых Хаттом, а честный люд с окраин продолжает дрожать в страхе перед мифическими чудовищами. И все же внутренний голос как заводной твердил: видел старик зверя, видел.

Узнать где живёт юродивый, не составило труда, Орис лишь заикнулся о чуде, что кричит на улицах о Звере, как милая улыбчивая девушка с белом переднике и сером чепце, расстилая перед ним салфетку, подтвердила: есть такой, зовут Веридий, местный страж лесных угодий при монастыре. Пьющий, но безобидный.

Вовремя спохватившись, юная болтушка покраснела, поставила перед Орисом кружку с шоколадом, плетеную корзинку с маковыми булочками и упорхнула. Завтракал гра-

мард в гордом одиночестве, чему был несказанно рад. Утолив насущную потребность, он расплатился и, почесывая заросший подбородок, вышел на улицу. Хотелось помыться и побриться, но Орис глянул на солнце, вздохнул и направился в конюшню, седлать Осла.

Узкая, боковая улочка без приключений довела его до самых ворот, где щурясь и позёвывая, сидел все тот же молодой сур. Увидев Ориса, адепт выпрямился, согнал с лица скуку и сосредоточенно принялся что-то писать.

Неподалёку, сверкая начищенными до блеска шлемами и доспехами, стояли трое гернов, Орис без труда признал вчерашних знакомых. Городские стражники от такого соседства морщились, как от зубной боли и усиленно топтались на месте, кутаясь в ярко-синие плащи, которые явно не спасали от утренней сырости. Более странной картины трудно себе представить, проще посадить в одну клетку кошку с собакой, чем у одних ворот герна, городского стражника и сура. Остался вопрос: зачем?

Орис спешил и елейно произнёс, обращаясь к адепту:

– Ясного вам утра. Не подскажите ли, как добраться до угодий лесничего?

– И вам ясного, дарь... Ёльдер, кажется, – молодой человек отложил перо. – Буду рад указать вам дорогу, только вот герны вас не выпустят, приказ градоначальника.

Сур беспомощно развёл руками.

– Это что же за приказ такой, который свободного даря,

делает несвободным?

– Сегодня без особого разрешения покидать город запрещено. Для вашего же блага. Знаете ведь уже, зверь в наших лесах завёлся.

Орис помахал перед лицом сура свитком.

– Уж не это ли разрешение вам требуется?

Молодой священнослужитель взял документ, развернул и стал внимательно читать. Герн приблизился совершенно бесшумно и теперь стоял над душой. Орис отступил в сторону, не желая стоять к нему спиной, это был тот же немолодой герн, которого они встретили на дороге, и он опять не соизволил назваться. Только сейчас Орис заметил печать Владетеля Осеи, привязанную кожаным ремешком к его запястью. Неприлично засмотревшись, Орис не сразу понял, что обращаются к нему.

– Что в такую рань подняло с постели благородного даря?

Орис не ответил, послушный, но упрямый Осёл, вдруг заржал и забил копытами. Внутренний голос предупреждал об опасности. Пальцы рук онемели, мышцы напряглись. Орис закрыл глаза и прислушался. В тишине, неестественной для многотысячного города, отчетливо слышалась песнь колокола. Четырнадцать ударов.

– Вам будет лучше вернуться в гостиницу, – совершенно спокойно сказал герн, будто не замечая странного поведения собеседника. – Я выделю вам провожатого.

Орис моргнул и вернулся к действительности. На какое-то

мгновение, поймав холодный взгляд серых глаз, он испугался, но потом взял себя в руки и тихо сказал:

– Сегодня кто-то умрёт. Я бы на вашем месте нашел моим талантам иное применение.

– Дарь Ёльдер предъявил разрешение, – неожиданно для грамарда вмешался сур. – Он хотел навестить Веридия, того лесничего, который живет на холме, я мог бы...

Но герн перебил сура:

– Велих, – окликнул он одного из своих подопечных, – проводи даря туда, куда он скажет.

Орис ничем не выдал удивления. Благодарно кивнул суру и вернулся в седло. Провожатый, высокий, смуглый, темноволосый герн, не старше самого Ориса, не выказал недовольства. Он поправил стеганую шапочку, надел кольчужный шлем и отвязал бурого в пятнах коня от привязи. Конь дернул головой, фыркнул и в утреннем воздухе закружился пар. Герн легко вскочил в седло и первым выехал за ворота.

Солнце янтарным соком стекало по стволам верёз. Тишину леса нарушал лишь топот копыт, да шум Монастырки, за которой начинались владения Святой церкви. Монастырка в этом месте поворачивала и уходила вправо, разливалась широко, превратив берега вдоль городских стен, в болото. Надежно протоптанная дорожка уводила влево, вглубь леса. Орис единожды оглянулся на далекий теперь мост и ворота. Позади Сешалая восходили к небу горные престолы, острые скалы и белые вершины Везовых гор. Склоны скрывались

под покровами леса, вечнозеленой верезы и бука. Дух захватывало от красоты творения Создателя.

Орис пришпорил Осла и поравнялся со спутником. Молодой герн никак не отреагировал, рука его лежала на рукояти меча, смотрел он ровно перед собой и его тонкий, четкий профиль выглядел, как изваяние скульптора. Орис почувствовал, что герн вовсе не высокомерный отпрыск богатого графа или барона, а скорее наоборот – сын ремесленника или торговца, а может и вообще крестьянина, так он боялся говорить с ним и показаться глупым и безграмотным. Про себя Орис усмехнулся. Так он вел себя в первый год в Общих комнатах университета, где чувствовал себя уязвимым. Это потом он научился вовремя вворачивать умное словцо, загадочную улыбку или цитату из святой книги, говорить с напускной уверенностью с любым высокомерным сыночком богатого даря или суром из высших, и только привычка смотреть под ноги и прятать глаза осталась. Да и не любил он пристально вглядываться в людей, уж больно четко видел их суть сквозь напускные шоры.

Дорога тем временем свернула, пошла вниз, к берегу, туда, где над речкой завис хлипкий, деревянный мостик. Стало сразу ясно – лошади не пройдут.

Спешились и герн, не оглянувшись, первым пошел вперёд. Он дошел где-то до середины моста, обернулся и махнул Орису. Грамард сделал шаг, но тут доска под его ногой проломилась и он отступил. Предчувствие грызло, требуя

найти другой путь на ту сторону реки, но гордость мешала сдаться. Перед глазами стояло волевое лицо Велиха, искаженное насмешкой. Орис уже почти решился идти, как вдруг из леса, справа от моста, бесшумно вышел зверь, отрезая ему путь обратно на тракт. Словно чувствуя своё преимущество, зверь не торопился. Огненно-рыжий, с черными полосками, метра полтора в холке, зверь медленно, но уверенно сокращал дистанцию. Стоило бежать, но Орис застыл, не в силах оторвать взгляда от оскаленной пасти. В это момент герн на мосту покачнулся, потерял равновесие и завалился на бок. Верёвки выдержали его, но мост накренился и герн завис над пропастью. Какое мгновение отделяло его от падения в ленивые воды реки Монастырки.

– Да прибудет с нами создатель, – обреченно выдохнул Велих, рывком подтянулся, но ветхие веревки, только и ждавшие своего часа, порвались. Орис бросился в сторону, надеясь проскочить, но зверь одним прыжком настиг его. Яростный рёв распростёрся над рекой, заглушая крик герна и всплеск воды. Придавленный к земле пудовыми лапами о своей удаче Орис не думал, оскаленная пасть и смрадное дыхание зверя лишали надежды. Почему медлит? Мысли путались, сквозь рвущую грудину боль не пробивалось ни строчки из молитвенника, лишь глупая детская считалочка:

– Раз полоска, два полоска, лапы, уши, хвост из воска...

«...Раз полоска, два полоска, лапы, уши хвост из воска,

три, четыре, пять и шесть, деток малых тигр съест...» Малькольм старательно выводил черные полосы на рыжей восковой фигурке, чернилами служила зола. Орис сидел рядом, закапывал в песок камни и веточки, в двух шагах от них, стоя по колено в воде, мать стирала бельё.

На берегу тлел костерок, дед старательно засыпал углями будущий ужин: серого, пойманного полу часом раньше, угря.

– Тигррррр, – гримасничая, прорычал Малькольм, пугая младшего брата. – Он вырастет и съест тебя! PPP!

Орис с криком бросил в Малькольма сухой веткой, но не попал и кинулся к деду, прятаться.

– PPP! Деток малых тигр съест – смеялся вслед его страху старший брат.

Очнулся Орис на белых простынях. Мокрая от пота подушка, пахла сыростью, наготу прикрывала лоскутное одеяло. Грудь туго перебинтована, но каждый вздох отдавался болью в рёбрах. Орис попытался встать, но затёкшее тело протестовало.

Бревенчатые стены показались клеткой. Дышала теплом печь, над головой скрипели доски – интересно, в чьей он постели? За окном темнота, ни проблеска, ни огонька. Посреди комнаты низкий длинный стол, чуть подрагивает пламя в масляных лампах. Чисто, аккуратно, на полу ковёр, большая редкость для этих мест.

Ни одной иконы. Ни одной пятиконечной звезды, оберега или замшелого талисмана на удачу.

Орис спустил ноги на пол, огляделся, но своей одежды не нашёл.

Скрипнула дверь, на пороге выросла тень, шарахнулось прочь пламя лампад, раскидав по стенам жуткие тени.

– Проснулся, – хозяйка шагнула вперед, скинула мокрый капюшон плаща. Как не прислушивался Орис, дождя не услышал.

– Где я? Что случилось?

Он тряхнул головой, пытаясь припомнить, где и что он был, раз забыл такую красавицу, и память услужливо рас-

крыла перед ним двери.

– Раздери меня Хатт... Быть не ...

– Не поминай его имя в моём доме, – сказала девушка. – Я подобрала тебя на дороге, ты явно чудом остался жив.

Девушка сняла плащ, повесила на крюк у печи и высвободила из плена заколок копну темных волос.

– На себе что ль волокла? – Орис любовался, но подозрительность в нём взяла верх. Быть не может, чтоб юная, красивая и совсем одна в глухом лесу. – А где мы находимся, Сешаль далеко?

Хозяйка улыбнулась, но не ответила. Переобула грязные сапоги, подпоясалась шерстяным платком и, закатав рукава, отодвинула стол к стене. Под ним оказалась дверца погребца.

– Есть будешь?

– Нет, спасибо, лучше скажи, как до города добраться, мне надо скорее возвращаться.

– Ночь на дворе, а ты куда-то собрался с переломанными рёбрами. Соглашайся пока добрая, а то утром глядишь ни с той ноги встану.

Желудок призывно заурчал. Орис сглотнул, но продолжал упрямо гнуть своё, не нравилось ему здесь.

– Вещи мои отдай, и не твоя это забота – мои рёбра.

Уже склонившись, чтоб открыть люк, девушка резко выпрямилась, выющиеся кудри рассыпались по плечам, брови недовольно сошлись на переносице. Хозяйка сложила руки на груди, в упор глядя на неблагодарного гостя. Орис по-

ёжился, в темноте он не мог понять какого цвета её глаза, но продолжал смотреть не отрываясь.

А в следующую секунду в сознании воцарилась темнота.

Ориса разбудил голод, он открыл глаза, сел и увидел за окном свою спасительницу. Девушка с лёгкостью орудовала топором, рубя дрова, только щепки летели. Подтянув повыше подол платья, красавица завязала его узлом, чтоб под ногами не мешался, стянула непослушные кудри в тугой ком на затылке, и Орис имел возможность любоваться крепкими икрами и загорелой шеей.

Стряхнув наваждение, он закрутил головой и на этот раз его вещи оказались на спинке кровати. Куртка, брюки, рубашка чистая, без единого пятнышка крови. Рубашка его, родная, и что ещё удивительней – целая.

Кряхтя и охая, он смог таки одеться самостоятельно, и даже встать и дойти до двери, но потом, то ли от голода, то ли от потерянной крови, навалилась слабость и колени предательски подкосились. Сил хватило лишь чтоб распахнуть дверь и упасть, прямо в объятия девушки. Та, с невероятной лёгкостью подхватила Ориса под мышки и поставила на ноги.

– Да кто ты такая? – спросил грамард. Орису было одновременно стыдно и любопытно. В свете дня он смог, наконец, рассмотреть цвет глаз девушки и вздрогнул.

– Жёлтые...

– Вот неразумный, неужели еще не понял к кому попал?

– Ты...

– Да, я! – сказала она и завела Ориса в дом, где усадила обратно на кровать. Он вспомнил, что говорил вчера и pokrылся холодным потом. Она ему гостеприимство, а он ей...

– Зовут тебя как, счастливчик?

– Орис... Так я умер вчера?

– Да нет, вот глупый, сказок начитался. Зачем бы ты мне мертвый то? Суп из тебя не сварить.

Орис не отказался бы сейчас снова впасть в беспамятство, ноги стали совершенно ватные от страха, девушка как ни в чём не бывало, суетилась, ставя на стол котелок с кашей, тарелку, ложку, чашку с молоком и масло.

– Ешь давай, а потом я тебя сама в город отвезу. Да смотри не дури, – она подняла на Ориса жёлтые глаза, – сбежать вздумаешь, спасать не буду.

– А звать то тебя как? – осмелился спросить Орис, но хозяйка уже скрылась за дверью.

Орис ел медленно, каша застревала в горле, но он и помыслить не мог отказаться от угощения. В ушах шумело. Перетряхивая закрома своей памяти, он пытался вспомнить, что дед рассказывал про странных лесных дев – кейру. Дочерей Эру, берущих души в залог. В деревне у них поговаривали, что за каждую принятую душу им сто лет жизни прибавляется, что могут они чудеса творить, даже мертвых поднимать, но если кейру спасут твою жизнь, то души, считай, у тебя больше нет... Вот только мало кто видел их во плоти, оттого все больше на память приходило сказок. Орис затол-

кал в себя последнюю ложку каши, оставил тарелку и выглянул в окно. Девушка складывала дрова в сарае и выглядела совершенно обыкновенной, только вот глаза жёлтые и сила в ней не человеческая совсем.

Орис надел куртку и вышел на крыльцо.

Девушка утерла рукавом пот со лба, отряхнула руки, заперла сарай.

– Запрягать умеешь? Телега вон там, за домом, Дьяша в стоиле, сейчас переоденусь и поедем.

Орис кивнул и пошёл искать телегу. Дом оказался совсем не маленьким, как казалось изнутри. За домом конюшня, колодец, а до самого леса распаханное поле, огороженное добротным частоколом. Орис заметил, что второй этаж был достроен не так давно, но все окна почему-то забили досками, а лестница наверх находилась снаружи. Он окончательно утвердился в мысли, что девушка живёт здесь не одна, но старался не смотреть вверх, его покидало чувство, что откуда кто-то наблюдает.

Дьяша, пегая кобыла, была так любезна, что позволила впрячь себя в телегу, ни разу даже не махнув хвостом. Орис вспомнил про своего упрямого... Возможно ли что Осёл выбрался из лесу и вернулся в город? И топор жаль, меч ему носить не полагалось и топор был его единственным настоящим оружием, если не считать истины, которая частенько ставила ему подножку.

Дед уже наверное волнуется, может даже счёл его мерт-

вым. Если герны нашли кровь и следы у моста... Нет, дед так просто не поверит, точно решит искать. Выжил ли Велих? И что могла делать кейру в такую рань на том берегу? На телеге там не проедешь.

– Я готова! Едем!

Девушка погладила кобылу по шее и запрыгнула на козлы. Орис покосился с опаской, но сел рядом. Так много всего хотелось спросить, но язык не ворочался.

– Там зверь был, – Орис поморщился, болели рёбра. – Может знаешь о нём чего?

– Знаю, что он тебя не убил.

– Давно он здесь?

– Да всегда был, сколько живу. Я здесь лет пятнадцать, так иногда в лесу встречала, но он раньше никого не трогал, людей стороной обходил, а теперь вот вдруг стал нападать.

– Ты его не боишься?

Девушка рассмеялась.

– Неразумный, мне-то его чего бояться? Я у себя дома.

– А он?

– А он гость, желанный, уважаемый, но гость.

– Вот ты говоришь, что он меня не убил, как думаешь почему?

Девушка посмотрела на Ориса хищными, жёлтыми глазами, улыбнулась, но не ответила.

Кобыла уверенно тянула телегу вдоль края поля, слева высился частокол, впереди уже виднелись ворота, а за ними

лес. Над кронами, во всей своей красе, вставало солнце.

Орису вдруг стало страшно.

... Раз полоска, два полоска, лапы, уши, хвост из воска...

Они расстались у переправы через Монастырку. На прощанье девушка улыбнулась и приложила палец к губам. Потом развернула покорную Дьяшу, и вскоре телега скрылась под сенью леса. Орис так и не спросил, как её зовут, и, конечно же, забыл сказать спасибо. Всю дорогу до городских стен его за это грызла совесть.

Ворота города оказались заперты. Орис посмотрел вверх, солнце уже висело достаточно высоко. Его заметил стражник на башне, что-то прокричал, но ветер унёс слова прочь. И все же, через какое время ворота открылись, и навстречу ему выехал уже знакомый герн, с печатью Владетеля Осеи.

– Ясного вам утра, не могли бы впустить меня, – приветствовал его Орис. Герн очень долго и пристально изучал его, глядя сверху вниз, словно не узнавал, а потом протянул вытянутую в перчатку ладонь.

– Садитесь дарь Ёльдер, я вас отвезу. Мы не ожидали снова увидеть вас среди живых. Рад, что ошиблись.

Он принял протянутую ладонь, с трудом, залез на коня и они въехали в город

– Велих?

– Он жив, чудом выплыл, рыбаки на берегу увидели его и помогли.

– А кто тогда умер? – спросил Орис, зная, что его дар не мог ошибаться.

– Убит дарь Ольф Наарих, мясник, изодран в клочья.

– Что общего у градоначальника и мясника?

Орис был столь растерян, что произнёс это вслух, но герн не выказал ни удивления, ни недовольства.

– Все задаются этим вопросом. Наша облава на зверя не удалась, прочесали весь лес, но после нападения на вас, он как сквозь землю провалился. Как вам удалось спастись, грамард?

– Не знаю, наверное его что-то спугнуло, он убежал, бросив меня истекать кровью, добрые люди подобрали, не дали умереть.

Орис долго придумывал объяснение, но ничего умнее не придумал. Это была правда, а правда всегда надежнее.

Герн никак не прокомментировал его слова и дальше они ехали молча.

Сешаль будто вымер, лавки закрыты, многие окна заколочены. То там, то здесь мелькали синие плащи стражников, слышался конский топот. Лишь иногда чья-то торопливая фигура в плаще мелькнёт и исчезнет за поворотом. Два раза мимо проезжали кареты, наглухо зашторенные, но Орис предпочитал не замечать их.

– Мне надо в «Маковый цвет» меня дед обыскался.

– Не волнуйтесь, ар Серат ждёт вас, он в замке градоначальника.

Замок встретил путников оскалом решетчатых ворот и непоколебимостью заросших мхом трехсотлетних стен. Хёльт ас Градич, град отца Хёльма. Насколько Орис помнил историю, замок был передан во владения семьи Хёльм всего каких-то пятьдесят лет назад, а до этого принадлежали королевскому дому. Массивный, сложенный из неотесанного белого камня трезубец, возвышался над правым берегом реки. Упираясь острыми пиками крыш в облака, замок выглядел неприступным.

Градоначальника убили в его собственной постели, это значит, что зверь каким-то образом пробрался внутрь. И скорее всего его кто-то впустил...

Орис глянул вверх, и у него закружилась голова, огромная круглая башня, нависающая над ними, словно бы накренилась. Заскрипели цепи, загремела решётка и медленно поползла вверх. Мерин герна нервно мотнул головой и попятился. Почти касаясь каменного свода макушками, они въехали в узкий внутренний двор и оказались под прицелом десятков арбалетов.

Герн спешился, помог Орису слезть с коня и передал поводья службе. Они пересекли узкий двор и оказались перед очередным препятствием, коваными воротами, за которыми растекалась мутная вода рва. С той стороны медленно опу-

кался подвесной мост.

– С такой охраной кому-то удалось сюда пробраться? – Орису было неприятно чувствовать на себе десятки внимательных глаз.

– Охрану усилили, мы ищем предателя, но пока безуспешно.

Полукруглый двор, узкие бойницы окон, тяжёлые широкие своды, низкие дубовые двери, замок предназначался исключительно для обороны, всё дышало суровой простотой. Пахло конским навозом, потом и смолой.

Где-то вдалеке, за рекой, запел колокол, из недр замка в унисон застучал кузнечный молот.

В широком, просторном, но темном зале их лично встретил наместник короля Яна Третьего, граф Одоний Теодорис Ольфер. Его невысокую, коренастую фигуру облегал плащ, под которым Орис заметил кольчугу, редкие седые волосы были зачёсаны назад, лоб стянут кожаным обручем, на поясе висели ножны с мечом. Бывший герн, а теперь новый градоначальник Сешаля, готовился встретить врага во всеоружии.

– Ясного вам утра, – Орис говорил с трудом, сердце стучало, в ушах шумело, навязчивые четырнадцать ударов колокола похоронным набатом заполняли пространство его головы. Кто-то снова умрёт сегодня.

– Дарь Ёльдер, рад видеть вас в добром здравии, добро пожаловать в Хёлт. Церковь подтвердила ваши полномочия, но все же я должен спросить, ар Сераг приходится вам кров-

ным родственником?

Орис вздрогнул, внутри зашевелились накрепко запертые демоны.

– Нет, – ответ прозвучал настолько спокойно и уверенно, что Орису от самого себя стало тошно, но он клялся деду, всегда отвечать только так. – Почему вы спрашиваете?

– Мне жаль огорчать вас, грамард, но ар Серат под стражей и завтра будет казнён. Он обвиняется в осквернении святыни, два дня назад, в ночь после неудачной облавы, когда все силы были брошены на ваши поиски, он разгромил гробницу Святого Ёльма. Мы не смогли добиться от него никаких объяснений, возможно, это удастся вам.

Орис покрылся холодным потом. Не смогли добиться... Перед глазами встала картина страшных пыток, виденная им однажды в первый год обучения в Церковной школе.

Орису бросило в жар, он повернулся и в упор посмотрел в лицо герну. Высокий лоб, тёмные, вьющиеся волосы до плеч, взгляд выдавал усталость, но никаких эмоций Орису увидеть не удалось. Герн, владетель печати Осеи, именно он приведет приговор в исполнение. Ему дано непререкаемое право Церкви – право отнимать жизнь.

– Это какое-то недоразумение, дед верующий человек, он не мог осквернить святыню!

– У нас есть свидетель, вы можете поговорить с ним, я провожу, – сказал герн.

Орис кивнул.

– Прошу вас не злитесь на меня господарь, я клянусь вам матерью моей, непутевой, что я это своими глазами видел, – клялся мальчишка. – Накануне он просил показать ему город, ну я и показал! Мы гробницу ходили смотреть, он меня после еще серебряным одарил, а потом спросил, есть ли ход потайной из города? Ну, ход то есть, да там даже крысы не живут! Но он мне золотой пообещал, если я ему вход туда покажу! Я всю ночь ворочался, спать не мог, а потом решил, что врёт он, нет у него никакого золота! Дьяр он, шарлатан и фокусник, где ж ему золото то взять? – мальчик на секунду отвел взгляд, но рассказ продолжил. – Я пошел к нему, вижу, а он через черный ход сбегает, ну я за ним. Вижу, он в гробницу, ну, думаю, может помолиться пошел, благословения попросить, а он рукава закатал, огляделся, схватил палку свою и как начал всё громить. Я от страха сам не свой стал, сижу и трясусь за колонной, думаю, вот-вот небеса разверзнутся и Создатель испепелит старика!

Мальчишка перевёл дыхание, закусил дрожащую губу и с сомнением посмотрел на герна. Тот кивнул продолжать. Мальчик всхлипнул и снова заговорил.

– А потом чудеса какие-то начались. Одна из статуй, она вдруг... ну... засветилась вся, руки над головой воздела, будто молиться собралась и тут же рассыпалась пеплом... Ну, тогда я не выдержал и бросился прочь оттуда.

Орис не знал, что и думать, мальчишка переминался с но-

ги на ногу, заикался, глотал слова, глаза у него от страха были огромные, но лжи Орис не чувствовал. Грызли сомнения, но чем больше Орис слушал, тем больше верил, даже скорее просто знал, что именно так и было, и как не крутил, ничего путного не выходило. Зачем деду громить гробницу?

– Не понимаю, – сказал Орис и нахмурился.

– Правду мальчишка говорит? – спросил герн и выжидающе посмотрел на него. – Что говорит ваш дар, грамард? Суду бы не помешало ваше профессиональное мнение, если вы на него способны.

Орису снова бросило в жар. В грамоте были указаны его привилегии, он владел “устами правды”, что давало ему право свидетельствовать в суде.

– Мальчик уверен, что видел то, о чем рассказывает, – аккуратно ответит Орис, оставив себе лазейку.

– Господари меня отпускают? – спросил мальчик.

– Насчет статуи, – герн перевел на свидетеля немигающий взгляд. – От страха всякое может привидеться.

Мальчишка сначала упрямо замотал головой, но вдруг зрачки его расширились, он понял на что намекает герн и быстро закивал. Герн жестом отослал его из зала. Проходя мимо Ориса, мальчик шепнул ему:

– Она пела, клянусь Святыми мощами, да чтоб меня Хатт в себе забрал, если я вру, она пела! Как священники в церкви поют, так и она!

– Пошел вон, – грубовато прикрикнул Орис и отвернув

голову, чтобы герн не видел, подмигнул мальцу. Тот спрятал улыбку, как медяк в рукаве.

– Как скажете, всемилостивый дарь. Знать ничего не знаю, видеть ничего не видел, – мальчишка поклонился и выбежал из комнаты.

Орис переглянулся с герном, но тот лишь пожал плечами, баснями его не удивишь.

– Воображение у паренька богатое, – сказал герн. – Или может ар Серат, колдун?

Он выплюнул это слово, как жабу, скривившись от отвращения. Все эти деревенские колдуны, ведьмы, прорицатели, шаманы – самоучки и другие шарлатаны, вызывали у аристократии приступ болезненного презрения. Ориса передёрнуло, но он сдержался, есть вещи с которыми надо просто смириться.

– Он разбирается в травах, но не более, насколько я знаю, он простой человек. Он спас меня, подобрал на улице в зимние холода, я у него в долгу.

– Да вот не совсем, как оказалось, простой, да? Вам повезло, что за вас поручилась Церковь, так что держите свою благодарность подальше от судейской скамьи. И помните, это ваш долг. А теперь пойдем, навестим вашего простого человека и спросим, зачем ему громить священное место.

Орис без всякого дара чуял, что он не нравится герну, но придраться было не к чему. За спиной Ориса, как крепость, стояла Церковь, против которой не будет выступать

даже владетель Осеи, благословлённый убивать.

Сосредоточившись на боли в ребрах, Орис шагал вслед за герном по узким, сырым коридорам подземелья, трепыхался огонь факела, дышалось тяжело. Боль отвлекала и мешала думать. Преодолев переплетение коридоров, они спустились по широким, щербатым ступеням в просторное помещение. Стражники, присевшие отдохнуть, суетливо вскочили. Герн махнул факелом и приказал:

– Открывайте!

Стражники нервно загремели ключами. Орис на секунду закрыл глаза и прислушался к себе. Внутренний голос молчал, сердце билось ровно и спокойно. Услышав, как тяжёлую металлическую дверь распахнули, Орис открыл глаза. В свете факелов просматривались четыре стены, плесень по углам и трещины на сером камне.

Камера была пуста.

К удивлению Ориса, герн грязно выругался и скомандовал:

– Побег! Поднять всех по тревоге!

Замок превратился в разбуженный улей. Крики, гомон, лязг оружия, герны обыскали каждый угол, каждый пыльный закуток, где даже мышь не спрячется, но деда так и не нашли. Серат как сквозь землю провалился.

Пока шли поиски, Орис сидел в главном зале, глядя на равнодушное, жаркое пламя. День медленно, но верно ка-

тился к закату, а во рту у него и крошки еще не было. От безделья он слушал монотонные разговоры придворных магов. Троица явилась при полном параде, в серебряных мантиях, пряча сморщенные ладони в широких рукавах. Все худые, невысокого роста, с белыми головами, они казались Орису братьями. Изучив камеру и коридоры подземелья, они в один голос заявили, что следов магии нет. Правда, это не помешало им строить одну безумную теорию за другой. Орис слушал и диву давался. Но и его рассудок вскоре затянуло в болото сомнений. Еще вчера Серат для него был образцом обыкновенности, приземлённости, а сейчас Орис всерьёз размышлял, а не звероподобный ли он?

Обхватив гудящую голову руками, Орис почти застонал от отчаяния.

От немислимого количества охранных заклинаний и активированных оберегов, воздух в замке раскалился, магический фон стал осязаем. Орису с трудом удавалось собрать мысли воедино, очень хотелось спать. Он поднялся с места, кивнул градоначальнику и в сопровождении гернов, отправился в отведённые ему покои. Хотя его перемещениям никто не препятствовал, Орис чувствовал, что не свободен.

Он проснулся от шума. В ночной тишине за стенами слышался птичий гомон, полуночным оркестром правили совы и филины. Мерно плескалась вода у стен башни, гремели подкованными сапогами стражники.

Орис еще топтался на пороге забвения, но уже отчетливо

слышал повторяющийся, глухой стук. От неожиданности он резко сел и чуть не ударился головой о низкий навес кровати. Раздраженно смахнул с лица паутину и вскочил на ноги. Сквозь узкое, мутное стекло окна в комнату падал лунный свет и Орис разглядел силуэт по ту сторону, похожий на птицу. Стук повторился, гость явно не собирался улетать, он взмахивал крыльями и бил клювом в стекло. Орис оглянулся на дверь, за которой топтались неугомонные герны, но тут же высмеял сам себя. С каких пор он боится голодных ворон? Окно находилось высоко под потолком, Орис направился к столу, спустил на пол таз с водой и кувшин, полотенце бросил на кровать и переставил стол к стене. Теперь дотянуться до окна не составило труда, а вот чтобы открыть его, пришлось попотеть. Дерево рамы сопротивлялось, упрямо спрашивая, а оно тебе надо? Орис не был уверен, что ему это надо, но упорно пытался открыть окно. Ворон терпеливо ждал, сидя на бортике нахохлившейся тенью и не издавая ни звука. Створка, наконец, поддалась и распахнулась, впустив в помещение сырой, влажный воздух. Стараясь не привлекать к себе внимание охраняющих его гернов, Орис тихо спустился со стола на пол. Ворон влетел в комнату и невозмутимо спикировал на стол.

Раздался треск, как будто сырые поленья в очаг бросили и ворон произнес:

– Аббат! Аббат!

Орис ахнул и отшатнулся.

– Что за... – выдохнул Орис.

– Аббат! Аббат! – повторил ворон.

За дверью слышались шаги, черная тень метнулась вверх и исчезла в ночи.

Думать было некогда, Орис натянул сапоги и распахнул дверь

Они не успели.

Герн, сжимая в руках поводья, кривил губы сильнее, чем обычно. Пелена ярости застилала ему глаза. Враг вновь оказался умнее и быстрее. Когда они покидали замок начался дождь и длинный шерстяной плащ герна отяжелел от воды. Их кони хрипели, выдыхая струи пара в прохладный, предрассветный воздух и пятились от монастырских ворот. Пахло мокрой кожей, потом, сырым дурманом Серебряного клёна, а над всем этим, висело облако кровавого смрада. Его ни с чем нельзя было перепутать, это был запах смерти. Орис поежился и выдохнул облачко пара.

Отряды подтягивались медленно, три десятка с севера и два с юга, они прочёсывали лес, но Орис знал, что они ничего не найдут. Слишком поздно. Зверь ушел. Возможно, даже на своих двоих.

Хлюпала и стонала земля, это приближался отряд Велиха. Створки тяжёлых, монастырских ворот разъехались. Герн поднял руку, призывая стражей следовать за ним. Въезжая во двор Орис уже знал, что увидит. Монахи стояли вдоль дорожки, как плачущие статуи, преклонив колени и воздев глаза и руки к густому, тёмному небу. Их губы монотонно шевелились, извергая заученные молитвы. Сотрясающие слова таяли, уносясь с ветром. Серые плиты заливала

кровь, багровые потёки, извиваясь, вели к дверям часовни. Колокола молчали. Герн спрыгнул с коня и, не оборачиваясь, направился в часовню. Дверь легко распахнулась от одного толчка. Орис тяжело спустившись из седла, последовал за ним. Разбитые в щепы скамьи, битое стекло витражей. От Образов Создателя, мозаики некогда украшавшей стены, остались одни осколки.

Мертвый Аббат Ольгерт был распростерт на алтаре в луже собственной крови, на белом мраморе виднелись следы когтей.

– Первым был градоначальник, Арнис Хельм, вторым мясник Ольф Наарих, третьим стал аббат Ольгерд. Вы всех видели? – спросил Орис герна. На то, что осталось от аббата, он смотреть не мог и отвернулся, его тошнило.

Герн же напротив застыл перед алтарем, не сводя взгляда с изуродованного тела. Аббата словно вывернули наизнанку. Лицо герна горело, это было заметно даже в полумраке часовни.

– Мое Имя, Рейнор де Грид, – вдруг сказал владетель Осеи и коснулся висящей на запястье печати. – Клянусь Создателем, я выслежу эту тварь и убью ее.

– Если вы хотите призвать меня в свидетели вашей клятвы, то не стоит. Мы еще не разобрались в происходящем. Возможно, эта тварь ходит на двух ногах.

– Грамард, вы ведь собственными глазами его видели, эта тварь чуть вас не убила!

– Я видел зверя в лесу, и да, он напал на меня, но я не уверен, что эти убийства совершил он. Но похоже, кто-то очень хочет, чтобы мы так думали.

– И кто же по вашему мог такое сотворить, если не зверь?

– Не знаю, но выясню. Вы мне не ответили, предыдущие случаи выглядели так же?

– Да, – коротко ответил герн и пошел к выходу.

Орис напоследок еще раз огляделся и нахмурился. Было очень много крови, но никаких следов вокруг, ни человеческих, ни звериных, кроме тех, которые только что оставили они двое. Орис искал глазами другой выход, но не нашел. Длань Создателя тянулась к нему из темноты, предлагая вечную благодать. Розовый мрамор, из которой была сделана скульптура, чуть светился. Орису казалось ладонь вот-вот сожмется и погасит маленький огонь, огонь чистоты, что горел в самом ее центре. Тяжелые подсвечники вдоль стен стояли пустые. Свечей не было, значит служб здесь не проводили. Орис поднял голову и посмотрел в высоту купола. Как и во всех церквях, построенных после Знамения, здесь были обязательные пять углов, пять пальцев Создателя. На витражах купола виднелись трещины, стеклянный небосвод со всеми святыми в любой момент мог рухнуть и Орис поторопился покинуть часовню. На крыльце на него навалилось промозглое, серое утро, вокруг уже стояли в ожидании монахи, они должны были забрать тело аббата, но прежде нужно было провести обряд очищения, а маги не торопились.

Орис предупредил монахов об опасности обрушения свода и пошел искать своего чужого коня. Конь Велиха вернулся сам, а Осла так и не нашли, но надежды Орис не терял.

В конюшне было беспокойно, животные боялись, ржали, рвались с привязей и били копытами. Четверо были заведены в стойла, а Чужой привязан у входа. Мерина Рейнора де Грида видно не было, да и кто посмеет тронуть коня владельца Осеи.

Орис погладил Чужого по бурой шее и поискал глазами ведро.

– Доброго вам утра, милсдарь, – послышался чей-то звонкий голос. Орис поднял глаза, туда, где из маленького окошка торчала рыжая голова. – Простите, воды нет!

– Как так? – спросил Орис.

– Колодец пересох!

Орис мотнул головой.

– Да быть не может!

Мальчишка-конюх пожал плечами.

– Звонари на реку поехали, привезут скоро.

Послышался топот копыт и голова мальчишки тут же исчезла. Орис оглянулся, к нему ехали Рейнор и Велих, лица у обоих были недовольные. В ворота монастыря как раз въезжала процессия, цветастые одеяния магов резко контрастировали с серостью утра. Следом во двор въехала наглухо закрытая, черная карета, а за ней всадники в белых одеяниях. Прибыла тяжелая артиллерия.

Владелец Осеи свое отношение к сурам не скрывал и кривился. Велих оставался невозмутим, как и прежде.

– Благородный дарь еще в состоянии сидеть в седле? – издевательски спросил Рейнор.

– Вполне, – ответил Орис, отвязал Чужого и не без труда, запрыгнул в седло, он старался сохранить лицо и не морщиться от боли.

– Нам стоит завершить начатое и навестить того юродивого, – подал голос молодой герн. Голос Велиха подобно его лицу, не выражал ничего лишнего, казалось ему скучно, но интуиция Ориса почему-то встала на дыбы.

Грамард кивнул и посмотрел на Рейнора, владелец выглядел взволнованным и все время оглядывался, черная карета не давала ему покоя.

– Отправляйтесь немедленно! – приказал де Грид. – Если понадобится, притащите этого болтуна в замок.

Распорядившись, владелец Осеи, развернул коня и поскакал к воротам, держась в стороне от цветастой процессии. У ворот его уже ждала личная охрана из восьми гернов. Рейнор возвращался обратно в замок и Орис ему не завидовал, наместник вряд ли будет рад новостям.

– Откуда ты узнал? – вдруг спросил герн и Орис не сразу понял о чем он спрашивает.

– Про аббата? – уточнил Велих.

– Птичка на хвосте принесла, – улыбнулся в ответ грамард. Интерес герна не был праздным, де Грид попросил его

вызвать? Нет, владетель мог спросить его и сам, он не был похож на того, кто плетет сложную паутину интриг. Рейнор был истинным герном, тем самым, кому всегда найдется место на гравюре, гобелене или страницах романа. Именно таким должен быть тот, кто проливает кровь во Имя Создателя. В памяти тут же всплыла та самая Осея – молитва о прощении. «Всяк в реку крови входящий, да узри меня во враге своём и будь милостив, но беспощаден, именем моим. И прощу я все прегрешения твои, ибо исполняешь ты волю Мою»

Ехали молча. Впереди лежали зеленые покатые поля и распаханное монастырские угодья, мимо никуда не торопясь, текла низкая, бурая вода, унося нечистоты. Скоро лето, солнце станет ярче, заплачут горы, вода станет яростнее и чище. Вот бы лечь на берегу и смотреть, как бурный поток уносится вниз. Орис чувствовал усталость последних дней в каждой мышце и еле держался в седле. Над лесом поднималось солнце, тропа взбиралась на холм и Велих поехал медленнее, Орис догнал его и теперь ехал рядом. Грамард чувствовал, что сознание Велиха заковано в латы не менее крепкие, чем его широкоплечая фигура, и дело было уже не в опасениях показаться глупым. Орис нахмурился и выпрямился в седле, расправляя ущемленную гордость. Нет, милсдарь, кем бы ты ни был, а так дело не пойдет. Но тут дорожка в очередной раз круто свернула и пошла вширь. Наученные прошлым опытом, на этот раз они поехали другой дорогой. Впереди показались черные столбы, граница лесничества и высокая каменная башня с деревянным домиком. Во дворе, за плетеной оградой, топталась хилая лошадка, стояла покосившийся сарай и повозка, мимо расхаживали гордые, красные петухи, а над всем этим чадила труба.

А дрова то у тебя, Веридий, сырые, крыша сарая прохудилась, а чинить ее, ты и не думаешь.

Навстречу им выбежал босоногий, белобрысый мальчик, глянул и бросился обратно в дом. Чужой заволновался, пару раз вскинулся, и встал, настороженно переступая подкованными копытами.

На козырек соломенной крыши уже протекало солнце.

Скрипнула дверь, вышел хозяин, прикрывая сморщенное лицо ладонью. Орис всмотрелся в фигуру и узнал Веридия, хоть и не видел его своими глазами. Узнал и скривился. Мерзкий человек, трусливый. Признал высоких гостей и сгорбился, сжался. Вытер потные ладони о штаны и спрятал руки за спину, будто вор. Во всей его фигуре сквозила угодливость.

– Добро-добро, господари, мое почтение. Ясного вам утра. Воды или же чего еще желаете?

Велих остался молчалив и впервые отступил назад, пропуская Ориса. То ли герн был от природы совсем не любопытен, но по сторонам он совсем не смотрел и хорошо скрывал свои чувства, лишь единожды на его лице промелькнуло что-то похожее на отвращение. У Ориса не осталось сомнений – не впервые молодой герн посетил это гостеприимное место и уже успел насмотреться, сложить свое мнение о лесничем Веридии, а сейчас пытался почему-то скрыть это от грамарда.

Орис спешил, подтянул седло и направился к колодцу во дворе, не торопясь, впрочем, приветствовать хозяина, пусть успеет испугаться, напридумывать себе лишнего. Ве-

ридий, как и ожидал Орис, занервничал, губу закусил, головой закрутил. То на Велиха посмотрит, то на него сощурился. Орис улыбнулся, склонился над колодецем и потянул на себя цепь. Загромыхало ведро.

– Что же у тебя, добрый человек, и коня не напоить, – недовольным голосом заговорил почтенный дарь Ёльдер, вытаскивая пустое ведро. – Колодец то – сух, как каратова нора.

– Мений! – заорал Веридий. – А ну принеси-ка воды благородным дарям!

В доме завозились. Мальчишка скользнул черным ходом, с ведром в руках и бросился за ограду.

– Ручей у нас там, только там вода и осталась, – извиняющимся тоном заговорил Веридий. – А колодцы до самого монастыря пересыхают, вот уже как третье лето, не держит земля воду. Говорю я – проклятая земля.

Веридий сплюнул себе под ноги, но тут же спохватился и поклонился с извинениями:

– Прошу простить, господари, не сдержался. А Создателю – хвала, да снизойдет на нас милость его, да будут услышаны наши молитвы. И будет земля праведна.

– Так, значит, – Орис сложил руки на груди, – ты тот самый юродивый, что зверя видел? Уж не сам ли Создатель послал тебе видение? Как смеешь ты такое утверждать? Высечь бы тебя за твою болтовню!

Веридий аж с крыльца сбежал. Орис удержался и не попятился, хотя глаза лесничего сверкали гневом безумца.

– Видел! Создателем клянусь, да не стоять мне на этом месте, если вру! Огромный, полосатый! Монастырку перемахнул, будто ручеек!

Орис взгляделся в искаженное лицо, дрожащие руки, вслушался в голос старика и не услышал лжи, лишь искренняя уверенность, как колокол, гремела в его голосе святая вера. Но было в этой вере что-то...

– И где же это было? Сможешь показать, где видел то?

– Да вот прямо здесь и видел! Где вы стоите! А еще у Столбов, под самою скалой, где река разбивается. Там один рукав на поля ложится, второй в лес уходит, как змея, что под камнями прячется. За старым мостом. Я с мельницы возвращался. Вечерело. Думал, сначала, конь чей заплутал, а потом этот на берег то вышел и повернулся ко мне, глаза как факелы. Зелень в них нечистая. Сам лохматый, рыжий в черную полоску. Я испугался и в лес. Бежал до самого дома, чуть не помер от страха.

– Рыжий в черную полоску, а глаза зеленые? – переспросил Орис.

– Да, господарь, сам видел. Огромный, как теленок.

«Раз полоска, два полоска, уши, лапы, хвост из воска...»

Вернулся с ручья мальчишка. Поставил перед Чужим ведро с водой и сказал:

– Я лес знаю, хотите отведу вас?

Веридий напрягся. Орис прищурился.

– Мальчик отведет, – уверенно сказал герн и посмотрел

на Веридия, а потом перевел взгляд на босого в рваной рубахе. – Ты ведь знаешь, где старый мост?

Мальчишка охотно закивал и заулыбался:

– Отведу, господари, конечно, отведу!

Орис огляделся еще раз. Сарай покосился, колодец пересох, телега старая, лошадь не подкованная. Дом стоит и на реку смотрит, окна заколочены, ставни под гвоздями, внутри темень. Ограда плетеная, новая совсем, прутья сочатся соком. Молодое дерево после дождя дышит. Башня, что тянется вверх, мхом не заросла, камень белый, аж светится. Веридий выглядел жалко и трусливо, но о своих обязанностях помнил – столбы черные и промасленные. В случае опасности – вспыхнут, предупреждая, огонь встанет стеной, чтобы по обе стороны от реки видно было – Нечистый Хатт вернулся.

Так что же тебе помешало? Видеть – видел, испугался, но столбы не горели. Природная осторожность или сомнения? Пьян был? Панику наводить побоялся, струсил, ведь если померещилось, то, что потом делать? За такую ошибку могли не просто выгнать, а камнями забить. А на утро ты пошел в город, к градоначальнику: так, мол, и так, а тебя высмеяли и выставили. А еще через день градоначальник умер страшной смертью, и слухи было уже не остановить.

Орис вскочил в седло и крикнул мальчишке:

– Веди!

Тот схватил лапти, висевшие на жердях ограды, обулся и

бросился за ворота.

Велих выехал первым, Орис последовал за ним. В лес их провожала тишина.

– Эй, босой, звать тебя как и лет сколько? – спросил грамард.

– Мений, господарь, одиннадцать мне!

– А мать твоя где? – спросил Орис и почувствовал, как от этого вопроса Велих вздрогнул.

Мальчишка ответил, привычка отвечать когда дари спрашивают была у него в крови.

– Захворала, отец отвез в Решань, в Травницкую к Святому Оронию.

Вот тебе и новости. Врет ведь, малец-то! Это и без всякого дара ясно, но дар почему то молчал. И кто бы мог спонсировать такую поездку? Не каждый дарь мог себе позволить лечиться у решанских врачей, а лесничий Веридий и подавно. Орис посмотрел на Велиха, тот помрачнел и сильно сжимал поводья. Чувствуя настроение хозяина, конь под ним тоже беспокоился.

– Герн Велих, – обратился Орис к спутнику. – А кто-нибудь взял на себя обязанность проверить слова лесничего Веридия? Следы на берегу искали?

– Третьего дня дождь шел, все размыло, да и река разливается день ото дня все шире. Искали, да не нашли, – ответил Велих и как то очень уж поспешно и стройно прозвучал его ответ, будто он ждал вопроса. – Кузнец Римус Гельнер

собрал ополченцев Сешалья, вдоль реки прошли до самого монастыря, а по ту сторону Монастырки Окраину леса цогерны герцога Решанского стерегут еще с прошлого лета, когда разграбили столичного купца. Там все дороги под Дубовым Листом.

Здесь значит желудь, а там лист дубовый. Соседи.

Орис кивнул. Три поста проехали пока до Сешалья добирались, это он хорошо запомнил: патрули на дороге из Решани, как эти самые желуди разбросаны. А значило это, что зверь пришел из-за Врезовых гор, а иначе неоткуда ему было больше прийти. Но у Ориса все еще оставались сомнения.

Евгений из Ириона говорит в своем трактате о Разуме: человек не свободен от ошибок восприятия, человек часто сталкивается с иллюзиями и обманом, сознание способно видеть то, чего нет и потому наши чувства не могут считаться достоверной информацией. Мир, который нас окружает, требует иного способа познания.

Магический навет легко мог обмануть человеческие глаза и заставить Веридия увидеть зверя, там, где его не было, но ведь и он видел его, сломанные ребра и раны тому подтверждение. Мог ли и он стать жертвой магии? Если морок насылает кейру, то очень даже мог. Это версия казалась тверже других, но интуиция спорила с ней, хотя все выглядело логично. Может так лесная дева отпугивает людей от своих владений? Мир за последнее время расширился, отовсюду льется свет факелов и масляных ламп, леса вырубают

под пахотные земли, скоро не останется места, где могли бы укрыться от людей иные создания.

Ребра все еще болели и Орис тяжело выдохнул. Чаю бы сейчас из травы моры, с мятой, как любит заваривать дед. Ароматного и крепкого.

Лес обступал запахами и тенями, солнце пробиралось сквозь кроны, но не доставало до земли. Тишина была плохая, не естественная. Листва замерла и все птицы разом сговорились не выдавать своего насеста, никто не шуршал в траве, даже ветер начал играть в прятки. Рука Велиха легла на рукоять.

Мальчик же напротив, шел легко, без оглядки и страха.

Орис вытер лоб ладонью, осенил себя символом стерегущего и выпрямился, пытаясь прогнать суеверный страх перед лесом.

Появился просвет, чаща резко кончилась у гранитного обрыва, над которым провис мост. На этот раз вздохнул Велих. Мосты им не давались.

Солнце раскаляло камни, переливался под его лучами водяной, розовый гранит. Когда то здесь были шахты, вся скала была прорезана тоннелями, глубокое ущелье еще помнило полноводный поток, гладкий отполированный камень и пороги, но теперь внизу бежал только тоненький ручеек, вода с трудом протискивалась меж камней, извиваясь по самому дну.

– Если идти вверх, выйдем к мельнице, – заговорил Ве-

лих. – Если вниз, то упрямся в Излом, огромную скалу, будто разрубленную надвое топором, на скале руины замка, но там даже птицы теперь не живут. Когда то это была крепость короля Реймара Начертателя, который первый принял удар армии хаттов. Хроники рисуют многотысячную орду, спустившуюся с гор. Черные, покрытые шерстью, не знающие языка, рычащие дикари пришли, как тьма приходит ночью.

И впервые Орис почувствовал слабость в непробиваемой броне молодого герна. Герои! Подвиги! Слава! Вот чего хотел молодой герн.

Велих спрыгнул на землю и снял ножны с мечом.

– Возвращайся! – сказал герн мальчику и вложил поводья ему в руку. – И коней с собой уводи, дальше мы пешими пойдем.

Только после этого он оглянулся и посмотрел на Ориса. Тот еле заметно улыбнулся и тоже спешился. Кто ж спорит с гернами, жаждущими славы?

– А вы, как я посмотрю, уже все решили, – улыбнулся Орис и отдал поводья Мению. Чужой заупрямился, но получив морковку, смиренно пошел за мальчиком. Внутренних противоречий Орис не ощутил, скорее наоборот, что-то упрямо вело его вперед, будто путь уже был заранее проложен.

Он словно конь, идет куда ведут, лишь бы за сладкой морковкой.

Лес по ту сторону был черный, корни торчали из песчаной

земли, густая листва прятала узкую дорогу. Мост преодолели без проблем, веревки оказались крепкими, выбеленные доски скрипели под ногами, но выдержали. Они ступили под тяжелые кроны, закрывающие небо, Велих посмотрел по сторонам и спросил:

– Ну и в какую сторону изволит идти дарь Ёльдер? Или погадаем на смоле?

Как-то неуместно герн Велих даже улыбнулся и вдруг показался Орису легче, чем раньше. Вспомнилось, что перед ним ведь еще совсем мальчишка, чуть моложе, чем он сам.

– К крепости пойдем, – сказал Орис и Велих перестал улыбаться. Он смотрел на Ориса и видимо ждал, что тот передумает. – Если здесь и есть нечистая сила, то где ей еще селиться, как не в проклятом замке? – ответил грамард на вопросительный взгляд герна. – Или гернам не положено вступать на проклятые земли?

– Любой тьме навстречу во имя Создателя, – ответил Велих строчкой из клятвы гернов, развернулся и решительно пошел в чащу.

Орис тяжело вздохнул и пошел следом. Не складывалось у них с герном общение, они словно канат перетягивали. Кто первый в болото упадет, тому и мост ночью стеречь. А еще он подумал, что это глупость идти вот так в лес. У них с собой не было ни припасов, ни воды. Заблудятся – не выйдут. Но лес выпустил их как-то слишком легко, расступилась тяжелая тьма, кроны проредило солнце, выросли кам-

ни, заросшие мхом, а потом показалась ровная дорога. Как и все, что делали их предки, дорога была добротная, плиты ровно прилегали друг другу, в щель лезвие ножа бы не прошло. Все еще стояли верстовые столбы, на столбах располагались гладкие отполированные чаши. Когда то в них горел вечный огонь. Вверх по склону виднелась внешняя, первая стена с воротами. Самих ворот давно не было и петель не было, остались прорези в стене и желоба под ногами, будто ворота закрывались, как печная заслонка. Рва вокруг замка не было. Ведущая вверх широкая лестница кончалась прямо над обрывом. Из скалы торчали квадратные балки. Возможно, здесь был причал. Когда-то правый приток Монастырки разливался здесь столь широко, что по ней приходили корабли. Солнце освещало руины.

Орис поднялся по лестнице и осмотрелся: покатые склоны, лес и вершины гор. Если хетты пришли оттуда, то их было отлично видно с этой точки. Вглубь, к замку, будто вдавленному в скалу, вела дорога, такая же ровная и исчезала за второй стеной, где еще сохранились ворота.

Орис вытер пот со лба. Становилось жарко. Велих тоже истекал потом, но кольчужный шлем не снимал. Щурился и не убирал руку с рукояти. Все вокруг кричало о безмятежности и покое. Воздух был свеж, трава высока, нетронутая людьми земля заросла цветами – повсюду лежали ковры из белых эдельвейсов.

– Не похоже на обиталище демонов, как думаешь? – вы-

крикнул Орис, спускаясь по ступеням лестницы. Он был легче спутника, его не сковывали доспехи, не тянула к земле кольчуга. Велих пожал плечами.

– Что ты хочешь здесь найти? – спросил герн. – Следов на земле не видно, а зверь не может не оставить следов. Тут даже человеком не пахнет, не то что зверем.

– Когда найду – узнаю. Пойдем внутрь, – и Орис легко зашагал к воротам. Страх, нахлынувший на него в лесу, отступил, как вода в отлив, даже боль здесь отступила, он чувствовал себя прекрасно. Любопытство все больше разгоралось в нем, он вспомнил легенду о короле Реймаре и искал глазами древние символы. Реймар был первым Начертателем, первым владеющим знаками Земли. Если верить сказкам Сера-та, он мог призывать великую дрожь и двигать камни, именно он, по легенде расколол Излом на две части, высвобождая внутренний огонь. Черная жидкость била из-под земли фонтаном и горела. И все-таки магия не спасла эти земли от разорения, хатты разрушили замок и вынудили людей бежать.

Орис закинул голову. Ворота были огромны. Розовый гранит сиял на солнце. В камне было выбиты слова на эссале: «артимус аль негус одор давире»

«Мы построили здесь дом (рай) бога»

«Негус одор» – райские кущи – дом бога.

Орис так увлекся, что не сразу услышал звук. Сначала он подумал, что это ветер, но прислушавшись, различил слова. Это была песнь. Он обернулся, но кроме Велиха на поляне

никого не было. Тьма упала на них среди ясного неба. Орис медленно отступал назад, а песнь становилась все громче и громче, вот только он не понимал откуда она звучит и крутил головой. В очередной раз обернувшись, он не увидел герна, а над грудой его доспехов стоял зверь. Орис тряхнул головой, пытаясь прогнать морок, но тот не исчезал. Зарычав, хищник пошел на него. Орис перебирал в голове все обереги какие знал, он не владел боевой магией, его сила была в другом и сейчас она была бессильна.

– Любой тьме на встречу во имя Создателя, – прошептал Орис, он успел отметить про себя, что зверь, что напал на него в первый раз был крупнее. Прыгнувшая тень закрыла солнце и снова он не успел отскочить, в этот раз удар пришелся в плечо. Орис упал и принялся молиться, готовясь к смерти. Орис ждал нового удара когтей, но услышал полный боли вопль, тьму разогнала вспышка яркого света и Орис ослеп. Мысли путались, сквозь рвущую боль не пробивалось ни строчки из молитвенника, лишь глупая детская считалочка: раз полоска, два полоска, лапы, уши, хвост из воска...

Умирать было жаль.

8

И снова Орис очнулся на белых простынях, но в этот раз на шелковых. Его разбудила служанка, она вошла в комнату с корзиной под мышкой. Он открыл глаза и увидел, как девушка покраснела, захихикала и отвела взгляд. Поспешно положив его вещи на стул, служанка убежала.

Орис посмотрел на себя, он был голый, белела только свежая повязка на груди и плече, а простыня, которая должна была прикрывать его срам, лежала в ногах.

Дверь вновь открылась и на пороге появился сур в белом одеянии. Орис присмотрелся и признал того писаря, что сидел у ворот.

– Вставай и одевайся, монсеньор ждет, – сказал сур. – Я подожду за дверью.

В памяти Ориса всплыла обитая бархатом карета в темном переулке. Испытание он провалил. Причём уже дважды. На фоне происходящего его мечта вступить в братство как-то померкла. Загадка зверя захватила его и он хотел не просто поймать его, он хотел понять, что происходит в Обители Святого Ёльма. А еще дед подлил масла в огонь, зачем он разгромил гробницу?

Орис тяжело поднялся, оделся и посмотрел на себя в зеркало.

Если зверь и дальше будет отрывать от него по кусочку, то скоро он будет замотан тряпками, как фарамейская мумия из Палмаатского музея. Кровать он решил не застилать и вышел из комнаты. Сур ждал его за дверью.

– Ты кто такой? – спросил Орис бесцеремонно. – Писарь что ль?

– А сам ты кто? – ответил сур. – Грамард что ль?

– Кто меня нашел? Где герн Велих из Тавры?

– Он жив, если тебя это интересует. Все остальное расска-

жет сам монсеньор. Идем.

Коридоры дома не были похожи на коридоры замка. Огромные окна пропускали много света. Теплые цвета обивки и тонкие рамы картин, все было изысканно, как в столице. Много шелка и бархата. И много растений. Они стояли в горшках и огромных вазонах. Некоторые ползли по стенам к окнам. Двери были обычного, человеческого размера и открывались от себя. Они вошли в гостинную и хозяин дома поднялся им навстречу. Орис заморгал и охнул, при свете дня он сразу узнал стоявшего перед ним. Монсеньор рассмеялся и махнул рукой. Сур даже не поклонился, просто прошел вперед и сел за стол, хотя его не приглашали.

– Вы все еще не адаптировались, мой юный друг, как я посмотрю, – сказал монсеньор и снова рассмеялся. – Садитесь же, дарь Ёльдер!

Орис долго боролся с собой, но все же поклонился, подошел к столу и сел. Сур оказался справа от него, а монсеньор, один из роверенов Святого Престола, слева. На столе стояли чашки и чайник, лежали вкусно пахнущие булочки с маком. Орис сглотнул слюну.

– Ешьте, грамард, вам нужны силы, наше противостояние еще не окончено. Ох и некстати, скажу я вам, пришлось мы к этому двору со своим испытанием, – захихикал монсеньор и первым взял булочку.

Сур пил чай и иногда поглядывал на Ориса из-под темных бровей. Для ахорнца он был слишком смуглый, но его речь

была столь безупречна, а одеяния такие белые, что никому бы не пришло в голову заподозрить в его венах нечистую, зерейскую кровь.

Дожевав, монсеньор вытер лицо салфеткой, откинулся на спинку стула и сказал:

– Миф о звере, что живет в этих лесах, будоражит воображение людей уже много лет, он докатился даже до столицы, поэтому я и выбрал для вашего испытания именно это место. Я знаю вашу истинную биографию, грамард, знаю каких кровей вы и ваш дед.

За столом воцарилась тишина.

– Я выбрал вас из-за вашего таланта. Дара истины. Чистота вашей крови меня не интересует. Я знаю, что дар не имеет отношения к цвету крови, кожи или разрезу глаз. Вы должны знать, что я один из тех еретиков, которые хотят отделить магию от Церкви и ее слепой веры. Отдать ее в руки скептиков, людей разума. Магия должна стать светским предметом в университетах всего мира. И я считаю преступлением против Создателя, что наша Церковь превратила магию трансформации в проклятье для целого народа! Заставить мир поверить, что существует некое условное зло, что вселяется в людей и превращает их в животных? Это же чудовищно!

Орис сложил руки замком, чувствуя, как дрожат руки.

– Так вот в чем состояло мое испытание? Поведусь ли я на приманку в виде зверя? Решу ли я, что это мой давно погибший брат? – заговорил Орис. – Только мой дед все еще

верит, что Малькольм жив. Этот выживший из ума старик рассказывает сказки у камина и превращает трагедию моей семьи в легенду о Последнем Тигре.

– А потом превращается в ворона и вылетает в окно своей тюрьмы, – расхохотался монсеньор. – Конечно вы в это не верите, никто не верит, пока не увидит собственными глазами.

Монсеньор отодвинулся от стола и встал.

– Пойдемте, я вам кое-кого покажу.

Орис мгновенно вскочил с места. Сур поднялся медленно, с чашкой в руках, когда они шли к двери, он все еще допивал свой чай.

По узкой лестнице с огромными пролетами каменных ступеней все трое спустились в сырой подвал дома. Подвал как подвал, бочки пива, шкафы под бутылки вина и масла, какой-то ненужный хлам, стопки тканей и гобеленов, но в глубине за шторкой пряталась клетка, а внутри нее сидел зверь. Тот самый, не крупнее собаки, что разодрал ему плечо на руинах крепости короля Реймара. Выглядел он плохо. Глаза текли, язык вывалился, он скалился и рычал.

Сур налил воды из ведра и подсунул миску в щель.

– Что ж, наступает время истинного испытания, – сказал монсеньор и посмотрел на Ориса. Тот моргнул, он не понял. Роверен-еретик улыбнулся и покачал головой, мол до чего же ты глуп, дарь Ёльдер, но ничего вслух не сказал, достал

из кармана записную книжку, нашел страницу и протянул Орису.

– Помнишь свое испытание? Как читал в зале молитвы? Сейчас будет так же, но если ошибешься, превратится твой друг Велих в ту же кашу, что аббат на алтаре в той часовне, понял? Ты готов, грамард?

Орис посмотрел на текст в записной книжке, потом на клетку со зверем. Как и тогда, в аудитории, где на него смотрели все эти ученые мужи, он до конца не верил в свои способности, но не мог устоять перед желанием овладеть знанием. Овладеть собой в конце концов, и главное – найти истину.

Монсеньор отошел в сторону и жестом отозвал сура за собой. Они встали у Ориса за спиной, перед ним была только клетка и огромные глаза зверя, Орис видел в них боль.

Он выдохнул и начал читать:

– Аттиус недо делагуа рао суммарэ карри одор самитэ...

Боль взвилась в затылке, кровь застучала в висках, эхо собственного голоса преследовало его, пока Орис говорил и говорил, произносил слова, а слова становились тяжелыми, как булыжники. На то, что происходило в клетке, он старался не смотреть.

Когда он закончил по лицу стекал ливнем пот, а руки тряслись так, что он выронил записную книжку монсеньора и покачнулся. Сур подхватил его и не дал упасть. От бессилия Орис сполз на пол, смахнул ладонью пот с лица и наконец

увидел его. В клетке сидел голый Велих. Герн был весь в крови и дрожал так, что клацал зубами.

– Ну что ж! Истинная молитва творит чудеса! – сказал монсеньор. – Как вы себя чувствуете герн Велих из Тавры? Считаете ли вы себя порождением Нечистого?

И монсеньор громко рассмеялся.

В гостиной было жарко. Пылал камин, горели свечи, шторы на окнах были закрыты. Стол унесли и они сидели в широких креслах с бархатной, синей обивкой. Велих смотрел только себе под ноги, его все еще немного трясло. На нем был дорогой камзол, узкие брюки и высокие сапоги, он выглядел как истинный аристократ. Его мокрые волосы были зачесаны назад и прилизаны. Все это по доброте своей ссудил ему монсеньор, приговаривая что при дворе он умел бы успех не только у женщин.

Сур поднимал и опускал брови, по его лицу трудно было что-то понять, но глаза выдавали толику зависти. Священник был тщедушный, невысокого роста, волосы в него были длинные, как у девицы, но жиденькие. На лице выделялись пронзительные серо-зеленые глаза. Как и любой пылеглод он наверняка мечтал о ратных подвигах и героических победах.

Сур встал и вышел в центр гостиной, скрестил пальцы и немного помолчал для пущего эффекта. Монсеньор хохотнул.

–Ну давай уже!

–Что мы знаем? – спросил сур и внимательно посмотрел на всех присутствующих.

–Двадцать четыре года назад случилось нападение на семью беженцев из Зерея, эти беженцы были последние Тигры, беглецы Императорского дома Зерея. Инквизиция выследила их и по приказу Первосвященника все они были убиты. Это официальная версия, неофициальная же гласит, что инквизитор Арнис Хельм очень любил охоту, это была его страсть. Некоторые сохранившиеся хроники и документы говорят нам, что инквизитор “списывал” преступников, но вместо казни обращал их в зверей и выпускал на волю в своих угодьях, где после всю зиму охотился на них. Это развлечение, которое стоило денег и многие готовы были за это платить. После Кровавого полдня, когда власть в столице сменилась, а инквизицию официально распустили, забавам Хельма пришел конец. Он чудом сумел сохранить голову на плечах и пост градоначальника Сешаля, где и сидел себе тихо, пока двадцать четыре года спустя по его душу не пришел некто, кто явно хочет воздать ему по заслугам. У нашего убийцы точно есть оригинальный текст молитвы Создателя, но нет опыта. Он не смог воспользоваться им правильно, ошибка в прочтении разорвала градоначальника Арниса Хельма изнутри. Следующей его попыткой стал мясник, в чем он провинился мы пока не знаем. Нет ничего, что связывало бы его с преступлениями Хельма. Третьим стал аббат, тут уже больше смысла, ведь аббат Ольгер когда-то тоже

служил, и не где-то, а в третьем инквизиторском полку под началом Гольдра Рийенарского. Бойню при реке Рийенаре я думаю все знают. И только с четвертой жертвой все прошло гладко, молитва сработала правильно и герн Велих из Тавры превратился в зверя, как и было запланировано с самого начала.

Сур остановил свой пронзительный взгляд на герне и вопросительно поднял бровь.

– Вы должны знать, – сказал сур. – Кому вы причинили вред, герн Велих?

Монсеньор тоже повернулся и посмотрел на герна, тот съежился. Орис решил не щадить герна и добавил:

– Это был Веридий? Или его жена? Ты ведь был там, в его доме, мальчик тебя узнал. Это он завел нас в лес и сообщил убийце где нас найти. Он ведь не остановится, так что лучше начинай говорить, в следующий раз я не буду превращать тебя обратно и весь город выйдет на охоту за тобой.

От гордого воителя не осталось ничего, Велих сжался в кресле и плакал, как мальчишка. Сквозь слезы он смог кое как рассказать, что два года назад, зимой, после церемонии посвящения молодые та-герны традиционно решили отметить и выбрали таверну подальше от города, чтобы кто из старших не спалил. Съехались ближе к вечеру и всю ночь гуляли, а под утро он не помнил ничего, особенно как в его постели оказалась голая и мертвая дарья Калина, жена Веридия. Лесничему заплатили, много, и заставили рассказывать,

что жена больна и он отвез ее лечиться, а тот дурак возьми да и ляпни, что отвез он ее не куда-нибудь, а в саму Решань, в Травницкую. Что взять с идиота.

Орис покачал головой.

–Идиоты не читают молитвы Создателя и не превращают людей в зверей.

За окнами раздался звук колокола из Собора Святого Ёльма. Затаив дыхание, все четверо считали удары. Их было четырнадцать.

Велиху вернули его доспехи, но не достоинство, отдельно от всех он тащился позади черной кареты. Орис и сур ехали впереди, разгоняя толпу. На улице в столь поздний час редко можно было увидеть столько людей, Сешаль кишел зевачками пробивающимися к Площади Храмовников, бегали и кричали зазывалы.

– Пойман! Зверь пойман! Всемиловитые дари и дарьи, кошмар закончился! Спешите увидеть собственными глазами, как свершится правосудие!

Люди текли и гудели. Карета еле тащилась. Охрана монсеньора щелкала плетьюми и громыхала щитами, разгоняя особливо рьяных. Орис замечал, как вздрагивает от этого звука сур.

– Как тебя зовут, писарь? – крикнул Орис, наклонившись к святоше.

– Брат Кастор, – ответил сур.

– Давно ты служишь монсеньору?

– Да поболее твоего будет, – ответил священник, но это была бравада и Орис рассмеялся.

– Я же слышу истину, писарь, ты забыл?

– Ну так попробуй уличить меня во лжи, – усмехнулся сур.

Тем временем они добрались до площади Храмовников. Карета въехала за ограждение, ворота за ними закрылись и монсеньор тяжело вышел из бархатных недр своего укрытия.

На ступенях собора их ждала целая толпа белых плащей и цветных мантий, маги создавали суету и показывали фокусы, что-то все время дымилось или светилось. Полукругом стояли герны в своих блестящих доспехах. У подножия собора, там, где начиналась толпа, живым щитом стояли стражники в синих плащах. В центре площади возвышалось лобное место, которого еще недавно здесь не было, Орис мог бы поклясться. Орис видел солому и промасленные дрова, а поверх стояла огромная клетка накрытая плотной тканью и обмотанная цепями.

А еще стояла сцена. Это была традиция Сешаля, разыгрывать шутовское представление перед казнью. Орис и сур спешили и отдали лошадей конюхам. Лошади нервничали, пугаясь толпы и их решено было отвести подальше. Карету тоже распрягли и она сиротливо осталась стоять на заднике.

Монсеньор приветственно поднял руку, здороваясь с наместником. Герны расступились перед ним и в окружении охраны он пошел вверх по ступеням. На них с неба падала ночь и свет уличных фонарей, было ярко, как днем. С крыш домов в небо поднимались горящие фонарики.

– Ваше невезение утомительно, – сказал знакомый голос владельца Осеи. Герн Рейнор де Грид спустился к ним и теперь стоял чуть выше на ступеньках, убрав руки за спину. Он весь был начищен до такого блеска, что у Ориса задергался глаз. Велих уронил взгляд и не смел поднять его на наставника, но герн Рейнор вдруг рассмеялся и махнул им рукой.

– Поднимайтесь! Ваше невезение обернулось моим везением, когда вы не вернулись к ночи, я лично собрал отряд, взял магов и отправился к лесничему. Мы перевернули ведь дом и знаете, что нашли? Труп на заднем дворе, – Рейнор был доволен собой. – Это ничтожество убил и закопал свою жену, а всем в деревне говорил, что лечиться уехала. И тут на нашу удачу зверь сам к нам вышел... Задрал троих, зараза, но мы его взяли, сетями взяли! Таких как он, я никогда раньше не видел.

Орис почувствовал, как все внутри задрожало от дурного предчувствия. Он остановился и перевел дух. Его тошнило.

Сур тоже не разделял восторга герна Рейнора, он уже понимал, что сегодня погибнет невиновный и хмурился. Велих был белый и потный, он еле переставлял ноги, но его наставник так радовался победе, что не обращал на него внимания.

– Жаль только во всей этой суете Веридий с сыном сбежали, и девчонка, дочь его, тоже как сквозь землю провалилась, но ничего, еще найдутся. Мы уже послали гонца в Решань.

– Дочь? – непонимающе спросил Орис.

– Ну да, дочь у него. Мне сказали она травы всякие собирает, чайные сборы делает и маринады продает. Пока вы по лесам гуляли, грамард, маги выяснили, что у девочки Веридия вышел серьезный конфликт с мясником, он ей платить отказался и на весь город объявил ее воровкой.

Орис и Кастор переглянулись. Герн привел их к деревянным скамьям, которые специально соорудили ради такого

зрелища. Им выделили места в третьем ряду.

– После еще поговорим, – сказал герн Рейнор и ушел, тон его не сулил ничего хорошего.

Все трое сели рядом.

Велих мотнул головой и почесался.

– Блох что ли прихватил? – спросил сур.

– Девчонка эта у Веридия появилась два года назад, после смерти матери Мения, решили все, что он ее за хозяйством присматривать взял, – проигнорировав выпад сура, задумчиво сказал Велих. – Не часто ее в городе видели, но отвары ее зимой многих на ноги поставили.

– Есть у меня мысли на этот счет, – тихо сказал Орис.

Но тут забили барабаны, сдернули ткань с клетки и сердце Ориса рухнуло в пятки.

В клетке был тот самый зверь, огромный, рыжий и полосатый. Он оглядел гудящую толпу сквозь прутья и зевнул. Он излучал королевское спокойствие. Конечно, он ведь пришел к ним сам, подумал Орис. Никогда бы герны его не поймали. Он сдался. Но почему? Ради юродивого лесничего и его дочери? Или ради того, кто так неумело колдует у них под носом, но все еще остается невидимкой. Орис смотрел на зверя. ... Раз полоска, два полоска, уши, лапы, хвост из воска... А что, если?

Орис снова затошнило.

Всю жизнь Орис упрямо отрицал дедовы сказки, но что, если?

Дрожь ужаса поднялась из глубины его нутра. Сур предупредительно коснулся его руки и помотал головой, в глазах его было понимание.

Тошнота наступала, Орис вскочил и бросился искать укрытие. Он отбежал за широкую тень кареты, подальше от оцепления, и там его наконец вывернуло наизнанку. За ним уже бежал Кастор и к удивлению грамарда, Велих.

– А если это Малькольм? – только и смог выдать Орис. Кастор замотал головой.

– А если нет? Готов поставить все на кон?

– Кем бы он ни был, он все равно человек и заслуживает чтобы его судили, как человека! – вмешался Велих. В глазах его впервые с обращения мелькнула знакомая твердость. – Это преступная магия! Люди должны знать!

Велих был на удивления эмоционален, он не дал суру заговорить и продолжил:

– Хорошо, может не люди должны узнать, но хоть кто-то, в чьей власти предотвратить такое кощунство! Смилуйся Создатель, это ведь каждого так можно обратить! Каждого сделать убийцей!

– Вот уж от кого не ждал таких речей! – ехидно скривился сур. – И что ты предлагаешь?

– Я могу пойти к герну Рейнору и все рассказать! Есть же заклинание, мы сможем доказать!

– Издеваешься? Да они нас рядом поставят и сожгут! – ответил сур и Орис был с ним согласен. Наивность Велиха бы-

ла поразительна. Церковь никогда не позволит вскрыть такие тайны. Если история Арниса Хельма выплывет и станет известно, что нет никаких Нечистых детей Хатта, одержимых Зверем, а есть всего лишь *молитва обращающая* и даровал ее Святому Престолу никто иной, как их Создатель, мир канет во тьму, в пучину религиозных войн! Да и новой войны с Зереем в таком случае точно не избежать.

– Тогда обрати меня! – горячо зашептал Велих Орису. – Ты же можешь обратно? Я отвлеку внимание на себя. Может получится хотя бы выиграть время!

Глаза брата Кастора полезли на лоб, он открыл было рот, но не смог ничего сказать, так он был ошарашен.

– Они убьют тебя, Велих, ты это понимаешь? – спросил так же шепотом Орис.

– Сначала пусть поймают!

– Вы оба безумцы! Тут же люди! Вы оглянитесь вокруг! Начнется давка, кто-нибудь погибнет! – еще тише зашептал сур, но при этом сунул руку в карман, достал свою записную книжку и протянул Орису. – Третья страница, первый абзац. Будь внимателен!

– Беги к Реймару Начертателю, мы тебя после найдем, договорились? – сказал Орис. Велих кивнул.

Сур оглянулся через плечо, все внимание толпы и гернов было сосредоточено на площади и на клетке со зверем, но Орису все равно стоило торопиться. Как только шутовское представление на сцене окончится, клетку обольют маслом

и подожгут.

Орис открыл третью страницу пробежал глазами текст молитвы и начал читать. Сур предусмотрительно попятился назад, ближе к карете, чтобы успеть залезть внутрь. Орис начал читать. Полилась по воздуху дарованная Создателем магическая речь. Велих сделал глубокий вдох и трансформация началась.

... Раз полоска, два полоска, лапы, уши, хвост из воска...

Велих не был рыжим, он был бурым. Раздался громогласный рык и зверь легко перемахнул ограждение, минуту спустя Орис услышал истерические крики и женский визг. Толпа зашевелилась. Герны схватились за оружие. Синие плащи уже с трудом удерживали строй. Шуты кинулись вниз с помоста, на котором разыгрывали представление. От волн толпы и ее страха лобное место, сколоченное на скорую руку, покачнулось и закрипело. Орис и сур замерли, а потом предусмотрительно полезли в бархатные недра кареты. Орис сел на скамью и в ужасе зажмурился. Кастор был прав, в такой давке кто-то обязательно погибнет, но было уже поздно сожалеть. Тонкие ноги лобного места наконец не выдержали, Орис слышал треск ломающегося дерева и грохот, когда клетка рухнула вниз. Крики стали громче.

А потом в небе стали взрываться фонарики.

В жарко натопленной гостиной монсеньора их было пятеро, пятым был новый градоначальник, наместник короля Яна Третьего, граф Одоний Теодор Олфер. Сур на удивление сбивчиво рассказывал все, что они успели узнать. Орис иногда вставлял несколько слов, Велих подпирал подоконник, а монсеньор с отсутствующим видом смотрел в огонь. Орис хмурился и не мог решить, говорить ли наместнику про кейру? Мифическая дева, он был совершенно уверен, связана со всеми этими событиями, именно она скорее всего собирала травы и готовила сборы и маринады, а новоиспеченная дочь Веридия просто продавала их местным жителям. И зверь оказался у того моста не случайно, он охранял вовсе не Веридия, а кейру. Велих, после возвращения в человеческий облик, подтвердил его догадку, сказав, что след зверя вел через мост на тот берег. Значит, тот, кто пытался заколдовать мясника, мстил за кейру, но кто мог бы встать на защиту лесной ведьмы?

– Вы говорите, что по моему городу ходит на двух ногах некто, вооруженный молитвой и превращает в зверей обидчиков местного юродивого и его семьи? – спросил наместник и потер бороду. – И что я не должен начинать охоту на зверя, который магическим образом испарился из закрытой клетки на глазах у огромной толпы?

– Все верно, ваше сиятельство, – ответил сур. – В облике зверя, этот человек оказался по чужой воле, вероятнее всего его заколдовал в свое время еще Арнис Хельм. Как вы знаете, Хельм – бывший Инквизитор и владел молитвами Создателя.

– А откуда взялся второй зверь?

Велих спрятал глаза, а сур даже глазом не моргнул:

– Мы думаем, нашему мстителю удалось, наконец, правильно прочесть молитву и обряд обращения состоялся.

– Мститель и зверь как то связаны, вы знаете как?

– Пока нет, но мы работаем. Мы не успели вовремя донести до вашего сиятельства эту информацию, о чем очень сожалеем, но у нас есть способ обратить молитву и освободить человека из плена звериной оболочки, для этого нам нужно еще немного времени.

Монсеньор вдруг повернулся и спросил:

– Одоний, а ты не помнишь, как звали сына Арниса Хельма? Меня подводит память, но ведь у него был сын? Рыжий такой парень, эти его глаза зеленые, он был удивительно похож на мать!

Орис вскочил на ноги и чуть не перевернул стол.

Все разом посмотрели на него.

– Рыжий! – воскликнул Орис. – Я понял!

Наместник снова почесал бороду, потом он и монсеньор долго смотрели друг на друга и, наконец, граф принял решение и встал.

– Чем меньше людей об этом знает, тем лучше. И этой зимой, увы, я не приглашу тебя на охоту, друг мой, я конечно же очень сожалею!

Оба старика рассмеялись.

Три дня спустя новый градоначальник вдруг выдал первый указ: отменить охотничий сезон. Выслеживать и убивать любого зверя на землях Обители Святого Ёльма, было теперь официально запрещено. Чтобы следить за соблюдением нового закона наместник создал отряд егерей и первым добровольцем стал бывший герн Велих Орлицкий из Тавры. Больше всего Орис сожалел, что не видел лицо герна Рейнора в том момент, когда он об этом узнал. Монсеньор рассказывал и хохотал в голос. А потом они отправились в лес и прошли по тому самому мосту на другой берег, где жила кейру. Орис нервничал больше обычного, но был полон решимости дойти до конца.

Лесная дева встретила их и пригласила в свой дом. Как и прежде она была немногословна и снова не назвала имени.

Монсеньор тоже был на удивление молчалив и сдержан. На лице его читалось потрясение и восхищение. Иные создания стали редкостью, их расцвет пришелся на эпоху Знамения, теперь же, почти пять сотен лет спустя, они превратились в сказки для детей и взрослых. Увидеть их воочию было чудом!

Мальчишку Орис узнал сразу. Рыжий, вихрастый, имен-

но его макушка торчала из окна конюшни при монастыре. Смотрел он исподлобья, недоверчиво и готов был драться, если придется. Глаза у него были обычные, человеческие глаза. Зеленые. Как и у его отца.

Когда они приблизились к дому, кейру трижды свистнула и зверь неторопливо вышел из-за сарая.

Орис уже знал, что этот человек в облике рыжей кошки, не его брат Малькольм, но читая над ним обратную молитву, чувствовал себя как никогда особенным. Он возвращал человеку его истинный облик.

После завершения молитвы, от мощи слов Создателя, Ориса накрыла эйфория и он опустился на землю. Он наблюдал, как кейру смывала кровь с лица дрожащего мужчины и заворачивала его в одеяло, а потом помогла встать и повела в дом. Мальчишка проводил их взглядом, но остался топтаться на пороге. Он нервничал, то забегал в дом, то выбегал на улицу, как сторожевой пес, на Ориса рыжий смотрел настороженно и одновременно с благодарностью. Он уже и не надеялся увидеть когда-нибудь своего отца. Увидеть его человеком. А звали этого человека Петер. Петер Хёльм. И он был единственным сыном Арниса Хёльма, а вина его была лишь в том, что он влюбился не в ту женщину.

А вот история обретения молитвы была загадочная. Мальчик рассказывал ее нехотя, мялся, проглатывал слова и все время смотрел на мать. Кейру настойчиво кивала. А история была такова, что никакой дочери у Веридия никогда не было,

был только сын – Мений. И вот однажды, Мений и Алоний, на самом деле его звали Алланиодор, но так его звала только мать, пробрались темными тоннелями к тем самым гробницам, в подземелье Собора Святого Ёльма. Мений, после того как его мать пропала, а он был уверен, что пропала и в байку отца не верил, стал одержим поиском правды. Это навело его на мысль о сокровищах Святого Ёльма. Одним из сокровищ, описанных в книге Создателя, был перстень Истины. Мений хотел выяснить, что случилось с его матерью и решил, что должен попытаться найти этот перстень.

В одну из ночей мальчишки тайком спустились в усыпальницу, но обыскав все углы, ничего не нашли и принялись дурачиться. Ладони скульптур Святых по традиции был раскрыты и протянуты вперед, на каждой из них были выбиты слова молитвы. Алоний, решив впечатлить друга знанием эссале, ходил и нараспев читал надписи на Святых Дланях. И вдруг, она из скульптур, глядя на них плачущими глазами, запела. Мальчишки испугались и дали деру, но любопытство победило и на следующую ночь они вернулись.

Во второй раз Алоний начал читать не с правой ладони, а с левой, той, что от сердца, как учила его мать. Складки длинных, мраморных одеяний заструились и камень стал обращаться в шелк. Скульптура засветилась и обернулась живым человеком.

С постамента на ошарашенных мальчишек смотрела девочка, чуть старше их самих.

Она прожила у кейру несколько месяцев, про себя и трех слов не сказала, но зато охотно помогала со сбором трав, а потом предложила продавать её отвары, сборы и маринады в деревне. Чтобы её появление никого не удивило, понадобилась легенда, так у лесничего Веридия появилась дочь. Ее привел Мений, сказал, что девочке, он назвал ее Ина – безымянная, нужна крыша над головой, и она готова помогать по хозяйству, пока матери нет. Когда лекарственные отвары и маринады стали продаваться, Веридий радостно потирал руки, ему понравились деньги и он стал открыто называть Ину своей дочерью.

Алоний тем временем, используя молитву Создателя, с помощью которой он расколдовал скульптуру, попытался освободить отца из оболочки зверя, но у него ничего не вышло. Он расстроился и долго упрашивал Ину помочь ему, но та делала вид, что не понимает. Тогда Алоний разозлился и стал искать другую молитву, молитву обращающую, а когда нашел, решил наказать виновных. Тут то и приехали они с дедом...

– Люди любят истории, – сказала кейру. – Сказки и легенды объясняют страшный, большой мир. Так истина забудется и обернется в сказку.

– Хорошая сказка не всегда хорошо заканчивается, – сказал монсеньор и встал. – Веридию, Мению и безымянной деве очень повезло, они смогли избежать костра, надеюсь, везение и дальше не оставит их.

Кейру смотрела на монсеньора без улыбки.

Все понимали, кто помог беглецам укрыться, запутав следы.

– Им стоит быть осторожными, – продолжил монсеньор. – Избегать многолюдных трактов и больших городов. Герн Рейнор де Грид как охотничья собака – если взял след, то уже не отступит. Он считает Веридия виновным в убийстве жены, а может и того хуже, колдуном, что владеет нечистой магией Хатта. Стоит ему рассказать эту историю роверену Дериху Ямеру, епископу Решаньскому и Сешальскому, как вся белая рать отправится на поиски беглецов.

Кейру выслушала монсеньора и молча проводила их до ворот.

Когда они уезжали в окнах дома на опушке ярко горел свет.

Мальчик догнал их уже за воротами, сунул Орису в руки конверт и убежал. На лес уже опустились сумерки, сур поднял лампу повыше и грамард увидел подпись. Аккуратный почерк деда ни с чем нельзя было перепутать.

Подпись гласила – Последнему Тигру.

“Пришел час, когда наши дороги расходятся, – звучал в голове Ориса голос деда. -Только Создателю ведомо, сойдутся ли они вновь. Да хранит тебя Истина дарованной Им речи”

Трудно поверить, но прошло меньше недели с тех пор, как Орис с дедом спорили на этом же самом месте. Грамард оглянулся на широкую дорогу, которая теперь понемногу съезживалась и сползала в лес, поправил седельные сумки, печать на луке седла и похлопал Чужого по шее. Герн Рейнор был так щедр, что отдал ему коня. Где-то там, позади, оставались ржавый подвесной мост и красные стены города, в котором навсегда останется часть его души. Вместе же с ним в дорогу впервые отправляется надежда, надежда когда-нибудь отыскать и освободить брата. И возможно, снова увидеть деда.

– Ну как ты там, – окликнул он сура. Кастор тащился медленно и хотя выглядел он крайне уверенно, Орис чувствовал его сомнения и страх. Путешествовать в свите монсеньора это одно, а вдвоем с грамардом, совсем другое.

– Ты же хотел мир посмотреть? Ну так вперед!

– Можно было бы принять карету в дар от монсеньора и ехать по-человечески! – фыркнул сур.

Впервые на памяти Ориса Кастор был так слепо нелогичен, он ныл о карете с той минуты, как они выехали за ворота.

– Где это видано, чтобы безземельный дарь, да еще и грамард, путешествовал в карете? Или может ты видел сура без году неделя на службе у церкви, а уже на колесах? Вот посидеешь, пузо в кафтан из бархата посадишь, а потом и на карете прокатимся!

Сур рассмеялся. Они как раз проезжали мимо указателя,

который гласил: «Сешаль – Обитель Святого Ёльма».